

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ВОПРОСЪ МОЛОДАГО ПОКОЛѢНІЯ.

I.

Есть два способа удовлетворять рождающимся въ обществѣ потребностямъ. Первый способъ состоитъ въ томъ, чтобы обсудить и понять эти нужды, и затѣмъ признавъ ихъ основательность, рѣшиться удовлетворить рождающейся потребности. Это способъ простой, мирный, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ оказывается на повѣрку, и самый трудный. Но есть и другой способъ. Онъ состоитъ именно въ томъ, чтобы останавливать разсужденіе на полдорогѣ, и удерживая сознаніе отъ убѣжденія въ неотступности извѣстныхъ потребностей, принимать всѣ признаки выражающейся потребности за притязательность и предоставлять этой притязательности самой, собственными силами искать того, что ей нужно. Въ такомъ случаѣ вопросъ сводится на политическую ночву—на борьбу партій, одной—предъявляющей извѣстныя потребности, и другой—ихъ отвергающей. Предполагается, что въ такой формѣ вопросъ дебатруется и выясняется лучше самой жизнью и что если потребность, о которой идетъ рѣчь, есть дѣйствительная потребность—то она проложитъ себѣ путь во что бы то ни стало и одержитъ побѣду. Но въ дѣйствительности дѣло выходитъ нѣсколько иначе и на повѣрку оказывается, что принимая эту послѣднюю форму, вопросъ только затягивается и все придуманное для защиты этого способа представляется придуманнымъ только для того, чтобы отдалять и дѣлать невозможнымъ

самое рѣшеніе. Вопросъ становится между двумя противодѣйствующими силами и общество тратитъ только время и силы на маневрированіе въ военную игру, вращающую его около вопроса и не дающую прямо къ нему приступить. Этотъ способъ составляетъ одно изъ самыхъ обыкновенныхъ явленій въ западной жизни, и если взвѣсить, сколько общества потратили людей и времени на его испытаніе, то придется усумниться въ томъ, чтобы это былъ дѣйствительный способъ рѣшать вопросы, а не способъ уклоняться отъ ихъ рѣшенія.

Намъ, какъ извѣстно, нужно подражать западу, онъ есть для насъ образецъ гражданственности, нужны стало быть намъ и партіи, нужно сведеніе всѣхъ вопросовъ на вопросы партій, на политическую почву. Не разсуждая о томъ, есть ли при этомъ какая выгода, или нѣтъ; не есть ли это скорѣе дурная, вынужденная дорога и извинительная въ томъ лишь случаѣ, когда невозможно идти по прямому пути; не разсуждая о томъ, есть ли у насъ на лицо условія, вынуждающія такой извилистый и дурной путь, мы какъ истинные европейцы должны предварительно стараться запутать всякій вопросъ, обставить его всевозможными затрудненіями, стараться о томъ, чтобы общественное сознаніе не могло вполнѣ проникнуться его серьезностью и основательностью, и сдѣлать изъ него политическую игрушку, яблоко доморощенного политическаго препирательства.

Тотъ, кто съ этой стороны наблюдалъ за послѣднее время наши взаимныя отношенія, не затруднится признать, что мы вступили въ рѣшительный фазисъ взаимнаго враждованія, и чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе идемъ по этому пути. И у насъ почти готово уже догматическое признаніе такого порядка вещей. Говорятъ, будто это такъ нужно для того, чтобы человѣческіе инстинкты развивались и всякія искусства могли процвѣтать, чтобы добро преуспѣвало и прочее. Взаимное враждованіе становится просто принципомъ, — плодомъ глубокаго теоретическаго соображенія. Я знаю, что съ тѣхъ поръ, какъ Катковъ прочелъ объ этомъ въ одной нѣмецкой книжкѣ, догма эта стала модной, и наши романисты убѣждены въ этомъ до того, что стали нарочно нахлобучивать своимъ двухаршиннымъ героямъ на лобъ ужасающую шапку и учить ихъ дѣлать до того свирѣпыя глаза при встрѣчѣ съ прохожими, что просто гадко. Если все это справедливо, то нѣтъ сомнѣнія, что

между нами скоро процвѣтутъ науки, разовьются человѣческіе инстинкты и прочее. Но я знаю, что вслѣдствіе теоретическихъ соображеній того же свойства у насъ совершенно было и прежде не мало удачнаго. Полковникъ Кошкаревъ заводилъ у себя контору наблюденія за конторой сельскихъ построекъ и наши земледѣльцы заводили у себя хлопчато-бумажныя плантаціи, а старшины собирали срочныя донесенія о положеніи яровыхъ всходовъ въ январѣ мѣсяцѣ. Я предложилъ бы поѣтому сочинить уставъ взаимнаго враждованія или ручную книгу гражданина, которая положила бы предѣлу рвенію лютой фантазіи, обложить что-ли какою податью резервство, давать промысловыя свидѣтельства на право враждованія, дабы всякій могъ враждовать по открытому билету и въ должныхъ границахъ. Ибо какія бы тамъ теоретическія мысли мы ни взяли, мы не можемъ не волноваться, не можемъ не напортить нашимъ личнымъ усердіемъ, не можемъ не сдѣлать изъ этихъ мыслей предмета для хвастовства и не довести себя до того, что намъ всякій плюнетъ въ отвѣтъ на наши соображенія и отвернется.

Мнѣ, по крайней мѣрѣ, уже становится тошно отъ этихъ враждованій, я знаю, что мой сосѣдъ поссорился съ сосѣдомъ, что его сосѣдъ поссорился съ своей женой, что сосѣдъ послѣдняго оскорбился дѣтьми и ихъ возненавидѣлъ. Самыя тѣсныя узы разрушаются, самыя тѣсныя дружбы разрываются, самыя близкіе друзья другъ другу не кланяются. Всѣ расходятся, всѣ разошлись, уже если хотите и если распросить, почему? Разошлись изъ-за политическихъ убѣжденій. Политическія убѣжденія растутъ, какъ грибы, и если это продолжится, то нѣтъ сомнѣній, что у насъ разовьются всякаго рода искусства.

Я самъ разошелся со всѣми знакомыми и мы болѣе не кланяемся, т. е. не я разошелся, а они разошлись со мною, заподозривъ во мнѣ тоже какія-то политическія убѣжденія. Хуже всего то, что иной бы и радъ мнѣ отдать поклонъ по прежнему, но трусить, рѣшительно трусить, потому что боится потерять послѣднія связи, и все это изъ-за политическихъ убѣжденій. Прежде люди, встрѣчаясь другъ съ другомъ, отворачивались или потому, что одинъ былъ ниже чиномъ другаго, или оттого, что у одного были панталоны разорваны, или потому, что одинъ надулъ въ карты другаго, или продалъ лошадь съ норовомъ,

или что нибудь въ этомъ родѣ. Теперь во всемъ виноваты политическія убѣжденія.

Дѣло въ томъ, что разъ ставъ на эту точку зрѣнія, люди, самые серьезные и добросовѣстные, готовы были жертвовать самыми естественными побужденіями, позволять посягать на самыя сердечныя связи, ставить себя въ самое смѣшное и карикатурное положеніе.

Не было той нелѣпости, въ которую бы человѣкъ не увѣровалъ, не было того лишенія, котораго онъ не согласился бы принять, терроризируемый и морочимый, — одѣваемый врасплохъ во всеоружіе партизана. Я знаю, что это было бы простительно, если бы это была забава для забавы отъ нечего дѣлать; но въ томъ-то и дѣло, что эта точка зрѣнія путается въ серьезные вопросы и рѣшительно мѣшаетъ видѣть и соображать тамъ, гдѣ прежде всего нужно видѣть и соображать, и превращаетъ въ вопросъ бунта вопросы о самыхъ естественныхъ нуждахъ раньше, чѣмъ мы успѣемъ сообразить ихъ естественность.

Я знаю, что не одинъ серьезный вопросъ былъ запутанъ и извращенъ уже такимъ образомъ.

Среди этого-то стремленія къ обращенію всѣхъ вопросовъ въ вопросы партій и взаимному враждованію и былъ обращенъ въ такой политическій вопросъ и вопросъ о нашемъ молодомъ поколѣніи.

Не было ничего прискорбнѣе и жалче этого процесса, *поднятаго противъ молодаго поколѣнія* и ловкой невидимой рукой интриги, какъ выражаются «Московскія Вѣдомости», удерживаемаго до сихъ поръ на политической подкладкѣ, ему вовсе не свойственной. Что было карикатурнѣе этого раздѣленія общества на отцовъ и дѣтей, этого разложенія семей на политическіе клубы старыхъ и юныхъ, и всевозможныхъ стараній взъерошить однихъ противъ другихъ, оперировать надъ самыми естественными чувствами. Таковы мы были однако въ нашей несообразительности, что позволяли вочлѣнять этими естественными чувствами. Если теперь разбирать тѣ основанія, въ силу которыхъ мы позволяли оперировать надъ этими прямыми чувствами, то всѣ они приводятъ въ сущности къ одному: — преслѣдованію возникающаго въ молодомъ поколѣніи резонерства, отмѣченнаго политическими и социальными тенденціями. Сюда относится все, что было писа и гоно-

ворено въ послѣднее время противъ опасныхъ людей и идей; а писано и говорено было много.

Тутъ является передъ нами цѣлая вереница повѣстей, статей и рекламъ, цѣлая вереница писателей и даже органовъ, цѣлая литература, специально посвященная враждованію противъ молодого поколѣнія. Тутъ-то именно является передъ нами во всемъ своемъ сказочномъ величій болванъ петербургскаго нигилизма, ослѣпленный изъ стремленія къ естествознанію, отождествленный со всѣми социальными и политическими пороками, одѣтый для вящаго эффекта въ конфедератку польскаго повстанія съ краснымъ пѣтухомъ въ рукахъ; а на помощь ему пристегнуто украинофильство, бунтовщики изъ «Основы» и сепаратизмъ всякихъ видовъ.

Нельзя сказать, чтобы до всего этого читатель дошелъ самъ собой, все это устроилось цѣною нѣкотораго усилія и литературной работы надъ его умомъ, и вина во всемъ этомъ каррикатурномъ процессѣ молодому поколѣнію лежала конечно на тѣхъ, кто первый поставилъ вопросъ на ту именно почву, на которой онъ находится, и нельзя сказать, чтобы само молодое поколѣніе подало первое поводъ поставить свой вопросъ на эту именно почву.

Если кто далъ почувствовать первый этому резонерству, что ему приписывается смыслъ и значеніе партіи, то это конечно тѣ политики и руководители общественнаго мнѣнія, которые первые стали инкриминировать это резонерство въ тенденціяхъ ему не свойственныхъ, направили это резонерство на вопросы, въ коихъ ровно ничего не смыслить до сихъ поръ это резонерство, и старались увлечь это резонерство въ то положеніе, котораго выдержать онъ не можетъ, и потомъ утверждали, что противъ резонеровъ слѣдуетъ вести правильную осаду, вытравить ихъ съ корнемъ, ибо понятія извращаются, нравы разлагаются и общественныя узы гибнутъ. И вотъ повели дѣло совершенно по формѣ. Открыли публицистовъ, устроили клубы — и пошла перепалка.

И читателю точно понравилась эта мысль—во что бы то ни стало сочинить нѣчто въ родѣ предлога для открытаго политическаго враждованія съ дѣтьми, точно игра въ политическія карты была шелковичная плантація, которую шутка была попробовать, не принесетъ ли она доходу въ Новоторжскомъ уѣздѣ. Не удивительно послѣ атого, что и между резонерами

проявилось своего рода базаровство, которому прежде всего хотѣлось, чтобы всѣ думали, будто оно разлагаетъ нравы и потрясаетъ общественныя основы, которому понравилась мысль, что ихъ считаютъ за общественную силу.

Несмотря на всѣ поощренія съ этой стороны, это резонерство не представляло до сихъ поръ ничего похожаго на объединеніе, — не указываетъ никакихъ задатковъ на способность походить въ чемъ либо на партію, за которую ее принимаютъ во что бы то ни стало. Не смотря на всѣ усилія московской литературы — смѣшать стремленія и тенденціи всего молодого поколѣнія огуломъ съ этой легендарной фигурой нигилизма, базаровская фигура остается каррикатурнымъ исключеніемъ и отъ нея рѣзко отдѣляется масса молодого поколѣнія съ своими стремленіями и нуждами, съ своимъ вопросомъ, вовсе не вяжущимся съ легендарнымъ образомъ нигилизма, вовсе не понятымъ и не объясненнымъ и только несправедливо открытымъ всеобщему осужденію. И выходитъ только на повѣрку, что въ основаніи нашихъ настоящихъ отношеній къ молодому поколѣнію и его вопросу до сихъ поръ находится только масса фальши и вымысла, фантазіи и политическаго бреда, которая и портитъ все дѣло. Мы имѣемъ полное основаніе предполагать, что если мы только попробуемъ отнестись съ большимъ довѣріемъ къ стремленіямъ молодого поколѣнія, если отбросимъ легендарное представленіе о немъ, попробуемъ перевести на прозаическій языкъ, передать въ настоящемъ свѣтѣ настоящія обстоятельства, вызвавшія между нами вопросъ о его тенденціяхъ и стремленіяхъ, если словомъ мы отнесемъ къ вопросу сколько нибудь серьезно и потомъ уже рѣшимся инкриминировать, а не прямо начнемъ съ инкриминацій, то можетъ быть мы извлечемъ отсюда нѣчто для себя поучительное, а вмѣстѣ съ тѣмъ избавимся отъ необходимости предаваться роскоши инкриминацій.

А серьезное отношеніе къ дѣлу именно и состоитъ въ опасеніи легкомысленныхъ и преждевременныхъ приговоровъ, въ предварительномъ разъясненіи всѣхъ причинъ, вызвавшихъ какое либо явленіе, причинъ, которыя и могутъ намъ указать настоящій реальный и нравственный смыслъ явленія и спасти отъ вреднаго преувеличенія и ложныхъ страховъ, которымъ весьма легко подчиняется общественное воображеніе, и въ разъясненіи которыхъ болѣе участвуетъ фантазія и образность, чѣмъ мысль и разсужденіе.

Если мы признаемъ поэтому, что нашъ процессъ молодому поколѣнію имѣлъ въ своемъ основаніи не одинъ вымыслъ фантазіи, а былъ вызванъ какими либо положительными явленіями, а мы кажется въ этомъ не сомнѣваемся; если мы указываемъ обыкновенно на начавшуюся перемѣну въ привычкахъ и нравахъ молодого поколѣнія, противорѣчащихъ тому, что мы привыкли въ немъ видѣть прежде и желали бы и теперь видѣть, то прежде, чѣмъ приписывать все это его разрушительнымъ тенденціямъ и политическому резонерству, возбужденному случайными вліяніями, не было ли основанія взглянуть на дѣло съ иной стороны. Не было ли основанія предположить, что не всегда только наши поступки опредѣляются нашей теоріей, нашими понятіями и резонерствомъ, а наоборотъ, не опредѣляются ли иногда и наши поступки и понятія, а слѣдовательно и наше резонерство обстоятельствами, внѣ насъ находящимися. Общество словомъ по общепринятому заблужденію рассуждало тутъ съ точки зрѣнія той теоріи, которая воображаетъ, что человекъ всегда прежде мыслить, а потомъ уже поступаетъ. Мнѣ же казалось, насколько я наблюдалъ, что онъ весьма часто сперва поступаетъ, а потомъ уже мыслить и это всегда мнѣ казалось особенно справедливымъ относительно массъ. Тутъ самыя мысли казались мнѣ ничѣмъ инымъ, какъ функцией тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находится масса—а молодое пополеніе масса. Я полагалъ поэтому, что если люди начинаютъ расходиться съ ними и въ понятіяхъ, въ самыхъ нравахъ, то на это должна быть своя обстоятельная причина, которой опасно искать въ предвзятыхъ понятіяхъ и резонерствѣ, а слѣдуетъ искать иногда въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ кроются реальныя причины, управляющія вообще нашими поступками и понятіями. Я знаю, что молодое поколѣніе не есть мечта, а нѣчто реальное, что я могу всегда осязать и чувствовать, что это есть сама природа; и какъ природа не живетъ даже, а примѣняется къ окружающимъ ее условіямъ, такъ же и молодое поколеніе. Вотъ все, что я хочу знать о молодомъ поколѣніи, и что нужно было и обществу знать для того, чтобы отнестись къ его дѣлу безъ слѣпаго осужденія. Вслѣдствіе этого я сильно сомнѣвался въ томъ, чтобы какое либо опутительное и быстрое измѣненіе въ стремленіяхъ и нравахъ имѣло своимъ единственнымъ и главнымъ толчкомъ одно резонерство, возбуждаемое щелкоперствомъ, какъ это увѣряли другіе.

И насколько вообще понятія и нравы зависятъ отъ щелкоперства и насколько само щелкоперство зависитъ отъ нравовъ — это вопросъ еще для меня темный.

Отвѣчайте мнѣ, кто создалъ эти нравы, кто связалъ связанное, — щелкоперъ ли это сдѣлалъ какой?... Сшилъ ли ихъ портной по своей фантазіи и можетъ ихъ снять съ насъ опять, какъ штаны и выкроить новые. И такъ, не подлежатъ сомнѣнію, что нравы мѣняются вовсе не такъ легко, чтобы ихъ могъ снять какой либо щелкоперъ какъ рубашку. Но съ другой стороны не подлежитъ также сомнѣнію и то, что вслѣдъ за снятіемъ рубашки слѣдуетъ и быстрое измѣненіе не только нравовъ, но и самаго образа мыслей. Рубашка есть такимъ образомъ не только ключъ отъ нравовъ, но и отъ самыхъ мыслей, самаго взгляда людей на вещи.

Если привычки, нравы и образъ мыслей остаются прежніе, то мнѣ все это представляется лишь съ той стороны, что нѣтъ настоящей причины имъ измѣняться. Слѣдовательно, говорю я, если юность мѣняетъ привычки и образъ жизни, и самыя мысли, — стало быть, она слушается рубашекъ, стало быть, она расходится съ старымъ образомъ жизни вовсе не изъ-за политическихъ убѣжденій. И если намъ кажется, что нравы юношества направляются въ ложную сторону, то это случается вовсе не потому, что оно резонерствуетъ, а вотъ не резонерствуетъ ли оно потому, что ему приходится ждать не того отъ жизни, чего мы ждали въ свое время.

Если ко мнѣ обращается плоть отъ плоти моей и проситъ хлѣба, — что сдѣлаю я? даю ей кусокъ, и плоть отъ плоти моей умолкаетъ. Но если я вмѣсто того, чтобы дать ребенку хлѣба, нарву ему уши, то плоть моя воетъ; но я даю ей этотъ кусокъ и не допускаю ее до резонерства, потому что я люблю свою плоть; ты же, читатель, не любишь своей плоти, ибо когда она начинаетъ пищать отъ голода, ты пытаешься надрать ей вихорь. Но въ такомъ случаѣ такъ и понимай, что ты имѣешь въ предметъ произвести домашнюю расправу, но не увѣряй меня серьезно, что я нахожусь въ положеніи политической партіи къ своему дѣтищу, когда деру ему уши и деру ихъ изъ-за политическихъ убѣжденій, а не просто произвожу домашнее разбирательство.

Сущность всѣхъ этихъ разсужденій ведетъ къ тому, что наше молодое поколѣніе представляло въ себѣ дѣйствительный

и весьма серьезный вопросъ, что этотъ вопросъ молодого поколѣнія долженъ былъ явиться у насъ на сцену совершенно независимо отъ того политическаго характера, который ему былъ приданъ. Онъ имѣлъ тѣло и содержаніе помимо всѣхъ политическихъ мотивовъ, съ которыми онъ былъ связанъ. Онъ долженъ былъ явиться, и былъ, такъ сказать, созданъ самъ собою, одной силою тѣхъ экономическихъ преобразованій, которыя стали обязательны для общества. А вмѣстѣ съ экономическими преобразованіями должна была измѣниться и нравственная фижіомія общества. Отмѣна крѣпостничества мѣняла не только матеріальныя условія жизни, но и нравственныя ея условія. Общественная реформа вызывала словомъ двойственную перемену въ нравахъ, и эта перемена неволью рождала свой вопросъ для молодого поколѣнія, которое должно было готовиться жить среди измѣнившихся и нравственныхъ, и матеріальныхъ условій. Самый вопросъ молодого поколѣнія получалъ вмѣстѣ съ тѣмъ двѣ стороны — экономическую и нравственную, — два основанія, которыя обусловливаютъ неизбѣжную перемену и различіе между этимъ молодымъ поколѣніемъ, подроставшимъ среди готовящихся новыхъ условій быта, и тѣмъ, чѣмъ привыкли мы себя помнить во времена нашего прошлаго юношества.

Но въ томъ-то и дѣло, что мы не имѣли никакого представленія о возможности такой связи между положеніемъ остальнаго общества и положеніемъ въ немъ подроставшихъ къ дѣятельности людей; въ томъ-то и дѣло, что мы не предполагали вовсе, чтобы положеніе молодого поколѣнія могло составить своего рода вопросъ въ общемъ вопросѣ преобразованія, и могла идти рѣчь не о субъективномъ отношеніи молодого поколѣнія къ реформамъ, принимавшемъ въ нашихъ глазахъ окраску политической агитаціи, а объ отношеніи чисто объективномъ, вслѣдствіе котораго и стремленія и поступки нашего юношества должны были принять особый характеръ. Въ томъ-то и дѣло, что мы не предполагали даже, чтобы положеніе нашего молодого поколѣнія могло представлять собою среди нашихъ преобразованій само по себѣ серьезный вопросъ, и вслѣдствіе этого все, что ни замѣчали въ немъ, крестили огуломъ вреднымъ политическимъ резонерствомъ, старались поднять на видъ и подмѣтить въ немъ именно все, чему можно было придать только именно этотъ политическій смыслъ, — вводили въ заблужденіе само это поколѣ-

ніе и черезъ это невольно заслоняли и не давали выясниться тѣмъ сторонамъ вопроса, выясненіе которыхъ значительно должно было ослабить ложныя краски, измѣнить и осмыслить то представленіе, которое мы имѣемъ до сихъ поръ о тенденціяхъ нашего юношества.

Обращая вниманіе на эти упущенныя стороны въ процессъ, который мы ведемъ молодому поколѣнію, мы надѣемся по крайней мѣрѣ выдѣлить, отъ слѣпаго нареканія, тѣ нужды и стремленія этого поколѣнія, которыя имѣютъ свое законное основаніе въ строѣ остальнаго общества и показать, что признаніе этихъ нуждъ и серьезное вниманіе къ нимъ можетъ повести не къ извращенію соціальныхъ основъ и нравовъ, какъ это говорится съ-плеча, а къ утвержденію общественной нравственности на болѣе прочныхъ основаніяхъ, и это весьма важно потому, что тутъ-то кроется сущность всего вопроса о воспитаніи.

Итакъ, въ чемъ же заключалась сущность этого неусмотрѣннаго читателемъ дѣтскаго вопроса? Тотъ, кто наблюдалъ до сихъ поръ устройство нашего образованія, долженъ былъ и прежде видѣть, что самымъ яркимъ, бросающимся въ глаза фактомъ въ этомъ устройствѣ, основнымъ его, такъ сказать, фактомъ было отсутствіе настоящей связи и соотношенія между образованіемъ и кускомъ хлѣба. Это была совершенная особенность нашего образованія, специальная принадлежность нашей науки играть роль проформы. Люди тратили и время, и средства, и на повѣрку оказывалось, что все это они тратили такъ себѣ, какъ будто не зная, на что болѣе тратиться. И это казалось намъ совершенно естественнымъ. Читая далѣе все, что было писано за послѣднее время по вопросу объ образованіи, мы могли поражаться только полнымъ невниманіемъ къ коренной связи, существующей между самымъ образованіемъ и тѣмъ кускомъ хлѣба, который найдетъ послѣ «образованный». Мы много слышали толковъ о необходимости высшихъ нравственныхъ началъ въ этомъ образованіи, но мы нигдѣ не нашли и признака, чтобы люди, толкующіе объ этихъ нравственныхъ началахъ, подозрѣвали, насколько прочность этихъ нравственныхъ началъ зависитъ отъ указываемой нами связи. Напротивъ, люди, наиболѣе толковавшіе о нравственныхъ началахъ, всего менѣе видѣли эту связь, обуславливающую прочную нравственность, и наперекоръ своей цѣли, дѣ-

дали все, что могли, для того чтобы противодействовать прочности этихъ самыхъ началъ, и въ этомъ отношеніи пальма несообразительности принадлежала конечно московскимъ публицистамъ.

Между тѣмъ въ этой-то связи между воспитаніемъ и кускомъ хлѣба, который найдетъ воспитавшійся, заключается все основаніе для того, чтобы признать въ вопросѣ молодого поколѣнія дѣйствительно скрывающійся вопросъ, и чтобы признать въ немъ другія тенденціи, кромѣ политическихъ. Если все человечество смотритъ на свои знанія, какъ на капиталъ, то имѣетъ ли право смотрѣть точно также и каждый въ отдѣльности? Само собой разумѣется, что будемъ ли мы или нѣтъ признавать это право, каждый будетъ смотрѣть на вопросъ знанія какъ на капиталъ, и не потому только, что это знаніе даетъ ему обезпеченіе, дѣлаетъ его нравственно свободнѣе, а потому и нравственно лучше. Человѣкъ, который находитъ кусокъ хлѣба въ своихъ знаніяхъ, будетъ менѣе вынужденъ поддаваться вліянію другихъ, надъ нимъ труднѣе всякое нравственное вынужденіе. Напротивъ, человѣкъ, хотя и перешолненный знаніями, но не имѣющими цѣны, есть игрушка чужой фантазіи, чужихъ вліяній, — это нравственный батракъ, живая проституція. Человѣкъ невольно будетъ искать поэтому знаній, какъ обезпеченія, невольно будетъ стараться провести эту связь между тѣмъ, чему онъ выучивается, и тѣмъ, что дастъ ему эта наука впоследствии; будетъ искать въ этомъ знаніи не только обезпеченія своего желудка, но и обезпеченія своей нравственности, не изъ политическаго вольнодумства, а во избѣжаніе нравственной проституціи.

Эта-то простая, но глубокая истина есть первая и главнѣйшая, которую должны узнать наши педагоги и публицисты, берущіеся судить молодое поколѣніе, потому что въ ней заключается ключъ отъ всего педагогическаго вопроса, какъ социальнаго вопроса. Только общество людей, обезпеченныхъ помимо своихъ знаній, будетъ смотрѣть на эти знанія какъ на дѣло прихоти или формы, — только такое общество, и то только отчасти, не будетъ ощущать нравственной потребности въ такой связи, потому что независимость его отъ необходимости подчиняться чужимъ нравственнымъ вынужденіямъ обезпечена съ другой стороны готовыми средствами къ жизни.

Наше общество, крѣпостное до сихъ поръ, пользовалось

дѣйствительно такимъ даровымъ обезпеченіемъ въ извѣстной своей части, которое позволило ему смотрѣть на знанія какъ на дилеттантизмъ и дѣло формы. Подъ вліяніемъ такихъ условій, у насъ не существовало вовсе связи между знаніями образованнаго сословія и его жизнью, воспитаніе пріобрѣтало болѣе изящный, чѣмъ дѣловой характеръ, и самая наука составляла дѣло проформы. Подъ вліяніемъ такихъ условій, у насъ не родилось даже вопроса о необходимости такой связи для людей необезпеченныхъ, о томъ что придетъ когда нибудь время, когда отсутствіе ея въ системѣ воспитанія составитъ серьезное затрудненіе. Но если такое положеніе знанія не составляло по крайней мѣрѣ серьезнаго матеріальнаго вопроса для нашихъ обезпеченныхъ крѣпостнымъ правомъ людей, то и за все это время отсутствія такой связи, должно было оказывать одинаково угнетающее вліяніе и матеріальное и нравственное, на людей не обезпеченныхъ, и потому составляло серьезный вопросъ для послѣднихъ. Положеніе послѣднихъ должно было быть по истинѣ жалко, и такъ какъ необезпеченные и полубезпеченные составляли все-таки значительный процентъ, то этотъ процентъ и долженъ былъ окрашивать собой хотя отчасти нравственный уровень.

Мнѣ кажется, что чисто формальное значеніе, какое имѣло у насъ знаніе дѣйствительно уже и до сихъ поръ оказывало свое вліяніе на нравственный уровень нашей юности. — Жизнь на чужой счетъ и интрига, ведущая къ пріобрѣтенію обезпеченія въ томъ случаѣ, когда этого обезпеченія не даетъ знаніе, вотъ тѣ неизбѣжныя послѣдствія, которыми должна была характеризоваться жизнь образованнаго человѣка, при томъ формальномъ значеніи, какое имѣли у насъ знанія. — Эта жизнь на чужой счетъ была конечно болѣе или менѣ легка при крѣпостныхъ условіяхъ, она имѣла кромѣ того такъ много общаго съ этими крѣпостными условіями, что нравственная сторона ея ускользала отъ нашего вниманія, но тѣмъ не менѣе, фактъ оставался фактомъ. Мнѣ кажется поэтому, не слишкомъ ли мы увлекаемся вообще, когда превозносимъ нравственный характеръ нашей прошедшей юности въ сравненіи съ настоящей, и не происходитъ ли это отъ того только, что мы не хотимъ видѣть многое изъ того, что слѣдовало бы видѣть.

Не въ укоръ этому юношеству конечно, а для доказа-

тельства, что отсутствіе готоваго куска хлѣба въ тѣхъ знаніяхъ, которыми владѣла юность, имѣло вліяніе на его нравственное будущее, — я вотъ думаю не лишнимъ бросить легкой взглядъ на ту нравственную школу, которую представляло и до сихъ поръ положеніе нашего золотаго юношества.

Здѣсь мы должны увидѣть, въ какое отсутствіе нравственныхъ началъ ставится жизнь человѣческая ничѣмъ другимъ, какъ отсутствіемъ прямой связи между воспитаніемъ и тѣмъ, что даетъ обезпеченіе и кусокъ хлѣба. Здѣсь-то мы увидимъ, какъ вслѣдствіе отсутствія прямой связи между знаніями и тѣмъ, чего требовала жизнь, личность человѣческая оказывалась безпомощною и необезпеченною, сама по себѣ лишенная возможности выдерживать какія либо нравственныя начала, если у нее были таковыя при вступленіи въ жизнь, обязанную кускомъ хлѣба подчиняться чужому капризу, увидимъ въ результатъ смѣшанную съ нравственными началами интригу и лизоблюдство и презрѣніе къ чужимъ правамъ, чужому положенію — все это вынужденное тѣмъ безпомощнымъ состояніемъ, въ которомъ чувствуетъ себя человѣкъ, не обезпеченный тѣмъ, что сообщило ему воспитаніе.

Раждалось это неимущее юношество безпомощными головастиками и мало по малу превращалось въ настоящихъ жабъ. Но въ томъ-то и дѣло, что это превращеніе въ настоящихъ жабъ, только и дававшее этимъ юношамъ кусокъ хлѣба, совершалось тѣмъ условнымъ путемъ, который диктовали обстоятельства, а вовсе независимо отъ личныхъ достоинствъ.

Жизнь быстро сортировала ихъ на людей смѣтливыхъ и резернеровъ, послѣ чего резернерамъ имущимъ предоставлялось удалиться въ свои помѣстья, неимущимъ или перестать резервировать, или спиться съ кругу. Понятно поэтому, что резернеровъ между ними оказывалось вообще мало, и что неимущій юноша быстро умнѣлъ. Это набіраніе ума для юноши состояло въ томъ именно, чтобы сознать свою круглую безпомощность, понять, что если вывести его на рынокъ со всѣми его знаніями, то за нихъ не дадутъ двугривеннаго, и потому стараться пустить въ ходъ то, на что можно пріобрѣсти что либо — пустить въ ходъ внѣшній доскъ и практическую сметку, и юношество быстро умнѣло въ такомъ смыслѣ и этотъ умъ въ концѣ концовъ выражалася въ интригу, въ посягательство на чужое положеніе, жизнью на чужой счетъ въ той или другой формѣ,

а сама жизнь становилась своего рода искусством со всеми социальными признаками искусства, искусством доступным только наиболее ловкимъ.

Какъ же въ самомъ дѣлѣ жило золотое юношество?

Представлялся ли въ первый разъ своему начальнику юный коллежскій секретарь, и между его улыбающимися губами уже мелькало нѣчто въ родѣ едва подрастающаго жальца. И чѣмъ смиреннѣе и ограниченнѣе оказывался онъ изъ своихъ разговоровъ съ начальникомъ, тѣмъ болѣе такта и провидѣнія усматривалъ я за всѣмъ этимъ въ его фигурѣ, тѣмъ тверже уже начертывался въ немъ зарокъ овладѣть какъ можно скорѣе и этимъ уютнымъ кресломъ, и широкимъ столомъ, и всѣмъ этимъ помѣщеніемъ съ его курьерами, столоначальниками и подстолоначальниками, овладѣть прибавочными, столовыми, квартирными, пособіями и прочее. Только ненабравшіеся ума резонеры пробовали блеснуть своими знаніями и умомъ — и были по истинѣ глупы. Большею частью карьера ихъ порѣшалась первой рекомендаціею и попародировавъ нѣкоторое время своими способностями, они кончали тѣмъ, что вскорѣ удалялись съ носомъ искать себѣ счастья гдѣ нибудь въ другомъ углу. Юноша же, прямо рассчитывавшій на то, чтобы зарекомендовать себя сразу менѣе всего бойкимъ человѣкомъ, а только готовымъ протащить — если понадобится — на своихъ плечахъ зимній возокъ лѣтомъ по адмиралтейской площади, казался верхомъ житейскаго такта и преждевременной смѣтливости. Последняго рода юноши еще въ пиколлахъ выражали свой практическій умъ совершенно опредѣленно. Если и тутъ уже они отдавали предпочтеніе французскимъ романамъ предъ обязательнымъ классицизмомъ, то и это уже было вслѣдствіе смутнаго чутья, что умнѣе рассказать въ приличной формѣ соблазнительный анекдотъ будетъ несомнѣнно дороже цѣниться на рынкѣ цивилизованнаго общества четвертака за часъ, за который продается всякая латынь, и то еще если на нее встрѣтятся охотники. Эту практичность многіе изъ нихъ проводили до невѣроятной тонкости. Такой умный юноша дѣйствительно рано или поздно съѣдалъ по очереди и столоначальника, и начальника отдѣленія, и вице-директора и наконецъ кончалъ тѣмъ, что съѣдалъ самаго оберъ-начальника. Одной вещью обладалъ онъ плохо — это силою теоретическаго анализа, потому что поступаая столь отчетливо всю жизнь, въ смыслѣ слѣпаго

посягательства на всякое чужое положеніе и добро, онъ въ то же время, считалъ себя въ принципѣ самой твердой опорой неприкосновенности чужихъ положеній.

И я спрашиваю у тѣхъ, которые болѣе всего привыкли толковать о развивающемся презрѣніи къ чужимъ правамъ, представлялъ ли уваживаемый порядокъ большіе задатки такого уваженія, или не представлялось ли все здѣсь живымъ выраженіемъ совершеннаго презрѣніи къ чужимъ правамъ? Не начиналась ли здѣсь невольна карьера юношества съ неуваженія и къ чужому положенію, и къ чужому добру? Неуваженія, вынужденнаго разрывомъ воспитанія и обезпеченія, но тѣмъ не менѣе неуваженія несомнѣннаго.

Наука въ школахъ, говорите вы, поучала однако это юношество другому: она учила уважать и чужія права, и собственность, она учила уважать и семейныя связи, и гражданскія. Но въ томъ-то и дѣло, что между этой наукой и жизнью не было связи. Въ томъ-то и дѣло, что юноша, прежде чѣмъ постичь такъ называемую практическую суть, долженъ былъ разрѣшить во всякомъ случаѣ противорѣчіе этой сути съ той наукой, которой его поучали въ школахъ. Ему приходилось прямо приходить въ жизнь и широкой рукой черпать въ сокровищницѣ безъ всякаго резонерства, занятаго у науки, и наука и знанія служили ему въ этомъ случаѣ только помѣхой. И образованное юношество, пропитанное этой наукой, ждало на порогѣ жизни какого либо благодѣтеля, который бы сказалъ ему: «другъ, чего ты смущаешься этимъ вздоромъ, именуемымъ наукою. Вижу я насквозь все, что совершается въ твоихъ мысляхъ; вижу, что за сорь давитъ твою голову, но ты не смущайся, выбрось спокойно это резонерство въ помойную яму, ибо это дѣйствительно только сорь настоящій, несомнѣнный сорь, а вовсе не мысли, какъ ты воображаешь. Изъ-за него не стоитъ портить жизнь человѣческую. Но въ томъ-то и дѣло, что всякій, постигшій эту простую тайну, держалъ ее про себя, соображая, что чѣмъ болѣе соблазвившихся, болѣе непонявшихъ сути, тѣмъ больше мѣста на свѣтѣ, тѣмъ шире и легче его собственная дорога. Рай былъ открытъ на землѣ, въ углу этого рая стояло бумажное древо науки съ поддѣльными яблоками. Вступавшему въ рай говорилось: «видишь, это красиво—но это фольга поддѣльная, картонъ безвкусный, это сало раскрашенное; не соблазняйся фольгой, не ѣшь сальныхъ свѣ-

чей и все пойдет гладко. Но если ты будешь вѣсть салыныя свѣчи, то будешь изверженъ изъ рай, какъ совершенный дуракъ». Не смотря на то, конечно нѣкоторые вѣли салыныя свѣчи и извергались изъ рай; и въ томъ-то и дѣло, что роль этихъ-то салыныхъ свѣчей играла наука и знаніе и что только не вѣвшіе салыныхъ свѣчей могли надѣяться широкой рукой черпнуть изъ жизненной сокровищницы.

Но это была только одна сторона жизненнаго вопроса, другая состояла въ томъ, что набравшееся ума юношество все-таки не сразу входило на торный путь: былъ извѣстный срокъ, въ теченіи котораго юношество обѣдало Богъ вѣсть чѣмъ, прежде чѣмъ пріобрѣтало прочное положеніе, когда золотой юноша по цѣлымъ часамъ усердно чистилъ гуммастикомъ свои перчатки, или пропадалъ по цѣлымъ днямъ изъ дому, скрываясь отъ кредиторовъ. И тутъ-то еще нагляднѣе выступало противорѣчіе между добрыми началами, которымъ поучала наука, и тѣмъ, чему поучала сама жизнь. Тутъ умному юношѣ судьба предоставляла слѣдующее: если юноша былъ до извѣстной степени поворотливъ и ловокъ — а онъ долженъ быть до извѣстной степени поворотливъ и ловокъ, то ему открывались дома извѣстнаго количества болѣе достаточныхъ обывателей, гдѣ онъ могъ показывать свою занимательность, свои хореграфическія способности и оказывать разныя мелочныя услуги семейству, прикармливаться. Но дѣло было не въ одномъ прокормѣ: юноша имѣлъ положительную необходимость изучить и стать извѣстнымъ наибольшему числу лицъ съ болѣе или менѣе твердымъ положеніемъ, знать наибольшее количество исторій и сплетенъ для того, чтобы быть занимательнымъ, быть au courantъ всего, такъ сказать, движенія и знать, какъ поступать, на кого рассчитывать. Мало было для юноши положить разъ подъ лавку свое самолюбіе и показать себя глупѣе, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Нужно было постоянно показывать себя дуракомъ, постоянно торчать на глазахъ и заставлять себя помнить. А для этого нужно было быть вхожимъ въ наибольшее число гостиныхъ. Гостиныя служили такимъ образомъ не только мѣстомъ дароваго хлѣба, но и ареной для устройства служебнаго положенія — гостиныя, а вовсе не наука. Нѣтъ, нѣтъ, — а смотришь, этого рода зажиточный обыватель, который стоитъ только на томъ, что у него поваръ получаетъ генеральское жалованье, произведетъ однимъ кажимъ

нибудь угощеніемъ пригрѣваемаго имъ юношу въ люди и это ему конечно лестно. И навѣрное можно сказать, что есть у этого угощающаго обывателя или какойнибудь кровный родственникъ, которому нужно выйти въ люди, или котораго онъ готовитъ себѣ въ зятя. Наконецъ, если у него нѣтъ никого ровню своихъ, то ужъ навѣрно прилѣпилось къ нему цѣлое стадо расцвѣтающихъ юношей и ползетъ впередъ, его объѣдая, точно стадо клоповъ. Дома этого рода обывателей составляли нейтральную почву сближенія юношей съ настоящими людьми.

Во всякомъ случаѣ очевидно, что карьера золотого юношества такъ или иначе, а начиналась вовсе не съ науки, а съ лизоблудства; и многіе изъ нихъ до того привыкли къ этому, что даже ставъ людьми не оставляли этой привычки пожрать на чужой кухнѣ, выпить изъ чужой рюмки, затесаться въ чужую постель. И нельзя сказать, что такого рода лизоблудство давалось цѣною какого либо униженія, особенно юношеству военному. Я самъ видѣлъ, какъ принимали этихъ господъ по городамъ и селамъ, принимали цѣлыми отавами; приходили они какъ саранча, опивали и объѣдали, обыгрывали — и все оставалось весело. Видѣлъ, какъ принимали ихъ въ столицахъ.

Спустимся еще ниже и мы увидимъ, что зажиточные обыватели не только платили за обѣдъ и ужинъ недостаточнаго юношества; но что обували и одѣвали ихъ и вообще расплачивались за нихъ по всякимъ счетамъ.

Сама коммерція это знала и принаравливалась къ этому порядку какъ нельзя лучше. Въ прежнее время все это было устроено, конечно, грубо и во всей наготѣ представляло нѣчто черезчуръ патріархальное для образованнаго глаза. Приводилъ какойнибудь деревенскій обыватель опредѣлять своего юношу; и кланялся начальству пучкомъ ассигнацій. Приходилъ какойнибудь проситель къ этому юношѣ, и юноша тянулъ съ него также, что могъ, все на томъ основаніи, что нужно же ему, золотому юношѣ, и фракъ, и бѣлье, и перчатки, для того, чтобы дѣлать карьеру; но время и цивилизація устроили все это иначе.

Открывалъ ли французъ трактирное заведеніе, или швальное, и золотое юношество могло находить въ нихъ открытый кредитъ на десятки лѣтъ и дольше. Они были, во первыхъ, первыми пропагандистами этихъ заведеній. Первые показывали на себѣ прелести всякаго новозобрѣтенія моды и доставляли ходъ

и популярность этимъ заведеніямъ между зажиточными обывателями, на счетъ которыхъ предприниматель могъ всегда одѣвать известное число немущаго юношества. Ему было уже достаточно и того, если ему платили зажиточные обыватели, да кромѣ того, онъ имѣлъ еще въ виду, что вотъ лѣтъ черезъ десять и этотъ самый юноша, которому онъ нанялъ панталонъ и фраковъ изъ остатковъ отъ панталонъ и фраковъ зажиточныхъ обывателей, самъ пріобрѣтетъ солидное положеніе, и станетъ расшланиваться.

Все шло такимъ образомъ и устроилось совершенно систематически и съ известной послѣдовательностью и несомнѣнной логикой. И если прибавить къ этому известное число игорныхъ домовъ, въ которыхъ можно было всегда пробавляться кой-какими карманными деньгами, то это все, что было нужно для того, чтобы жизнь могла совершаться правильно, и для того, чтобы золотое юношество могло не умереть съ голоду, пока не пріобрѣтетъ само кой-какого положенія.

Выходившій изъ школы начиналъ поэтому съ того, что искалъ знакомства, втирался въ дома нѣсколько отертыхъ жившихъ обывателей, кормился, поился здѣсь, лизоблюдничалъ, знакомился съ вліятельными лицами, подмигивалъ дочеръ съ приданымъ, заручался связями и протекціею и при помощи всего этого стѣдалъ мало по малу и своего столоначальника, и начальника отдѣленія, и т. д. Вотъ нравственный просильчеловѣкъ, понявшаго свое безпомощное положеніе въ обществѣ, гдѣ между знаніемъ и обезпеченіемъ не существуетъ прямой связи, гдѣ въ силу ли историческихъ или другихъ обстоятельствъ это условіе упуцено изъ виду.

«Дражайшіе и бездѣнные родители! писалъ такой юноша къ празднику. Поздравляю васъ съ наступающимъ новымъ годомъ и желаю вамъ всякаго утѣшенія на старости. Что касается меня, то я дѣлаю все, чтобы доставить вамъ это утѣшеніе. Всего только годъ, какъ я оставилъ школьную скамью; а между тѣмъ успѣлъ уже оставить за собой многихъ товарищей. Во первыхъ, ни у кого нѣтъ такого избраннаго знакомства. — На первомъ балѣ, на который ввелъ меня родственникъ одного товарища, послѣ мазурки, которой я держировалъ, я получилъ приглашеніе въ дома нѣсколькихъ особъ и теперь никогда не обѣдаю дома; служба же моя отъ этого нисколько не страдаетъ, а даже выигрываетъ, потому что сегодня меня поздравилъ на-

чальникъ съ мѣстомъ столоначальника. Эта новость единствен-
ный подарокъ, который я могу вамъ по моимъ средствамъ под-
нести въ праздникъ, не выщипте же его скромность.

любящій васъ N N».

Вообще такого рода подарки были лучшими, какихъ ждали
родители отъ своихъ дѣтей. И тѣ, которые успѣвали преподне-
сти такого рода подарки, благословлялись какъ самые желан-
ные дѣти — веркъ утѣшенія для родителей.

«Дорогой сынъ мой, отвѣчалъ отецъ: мы старики радуемся
за тебя, что лишенія, понесенныя нами на твое образованіе, не
пропали даромъ и ты понялъ во видимому ихъ цѣну. Старай-
ся и впредь вести себя такъ, чтобы радовать насъ подобными
новѣстями, за которыя мы можемъ только благословлять Бога».
и проч. и проч.

У юноши прошибали слезы умиленія при чтеніи этого от-
вѣта. «Добрый отецъ, думалъ онъ, онъ ничего не жалѣлъ для
меня, какъ же я стану жалѣть для него. Я ничего не пожалѣю
для него; я буду съѣдать и начальника отдѣленія и прочее все
для его утѣшенія, если не для самого себя».

Вставало солнце и голодное, но иззявшее юношество, быва-
ло, спуетъ и рыщеть и все высматриваетъ, гдѣ что лежитъ и
гдѣ что можно передожить лучше.

Придетъ бывало лѣто и улетятъ зажиточные обыватели на
юно природы, какъ ичелы труженицы соберутъ медъ съ полей
и принесутъ его на зиму въ улей. Юношество все это прошьетъ
и съѣстъ, выиграетъ въ карты, возьметъ въ приданое за зиму
и затѣмъ опять повторяется тоже.

И чувствуется во всемъ этомъ даже своего рода сердоболь-
ность и круговая порука. Сорвется ли какой нибудь юноша
среди труднаго пути и шлепнется объ полъ, и тутъ ему даже
не дадутъ уйти со срамомъ и даются за неблагородное занятіе.
Его придрѣютъ свои — онъ прилѣпится тутъ же гдѣ нибудь въ
передней и ползкомъ станеть пресасынаться опять впередъ,
опять впередъ и, смотришь, выползетъ таки и сидеть за столъ.

Одно меня всегда удивляло — это не то спокойствіе, съ ко-
торымъ всякій изъ нихъ садился за чужой столъ; спокойствіе,
съ которымъ въѣзжалъ въ квартиру другаго, точно въ свою,
точно онъ самъ слѣпилъ всѣ эти стѣны, покрылъ обоями, на-
ставилъ зеркаловъ, надѣлалъ мебели, насотворилъ лакеевъ и
пурьеровъ и проч.; не спокойствіе, съ которымъ онъ обыгры-

валъ въ карты или улеталъ за общіе щи добро жилищныхъ обывателей, — а то, какъ не могли чувствовать люди сколько нибудь серьезные, что въ такомъ положеніи юншества мало нормальнаго и нравственнаго, и что придетъ время, когда оно должно будетъ измѣниться, когда само юншество должно будетъ понять его ненормальность, если ранѣе его не поймутъ этой ненормальности люди болѣе солидные. По моему, всякій долженъ былъ ощущать всю глубокую жалость такого положенія.

Шли мѣсяцы, годы — и все совершалось въ благополучіи. Золотое юншество трудилось; трудилось, какъ видѣли, въ департаментахъ, трудилось въ гостинныхъ, трудилось наконецъ на улицѣ. Да, это была наука, отъ которой никогда не было отдыха. Выйдешь, бывало, на Невскій проспектъ. Солнце ли свѣтитъ, или тусклая изморозь стелется въ воздухъ, а все народъ снуетъ, и золотые юноши и тутъ творятъ свое дѣло.

Полдень, почти оводно отъ нихъ на тротуарѣ. Магазинычки бѣгутъ, идетъ разсыльный, плыветъ мать семейства въ лавки, сопровождаемая ланеємъ, бродятъ провинціалы.

Стало едва смеркаться; точно фейерверочный буракъ, пролетѣлъ воинъ на парѣ, перегоняя какую-то красавицу въ бархатной шубѣ и забрызгивая грязью все окружающее, и затѣмъ, какъ по сигналу, высыпало это золотое юншество изъ департаментовъ. Что же, оно идетъ проминать усталыя ноги? Нѣтъ, оно и тутъ трудится. И какихъ тутъ нѣтъ между ними: всякіе, отъ самыхъ начинающихъ до самыхъ тончающихъ. Конечно, самымъ юнымъ и здѣсь приходится играть незавидную роль.

Вотъ они, голубчики, повысыпали, точно пчелы изъ ульевъ; вотъ одинъ изъ нихъ забѣжалъ въ парикмахерскую, другой въ перчаточную. Смотришь, уже тотъ самый молодецъ, пролетѣвшій на парѣ, идетъ имъ на встрѣчу. Одинъ изъ юношей приложилъ руку къ шляпѣ, точно моля о поклонѣ, но не получилъ поклона въ отвѣтъ. Подѣхали сани; изъ нихъ вышли дамы и пошли впередъ, — идутъ, точно показываютъ себя.

Двое изъ юношей отдѣлились, подбѣжали съ разныхъ сторонъ и, приподнявъ шляпы, пошли рядомъ. Понападаютъ на встрѣчу два солидныхъ обывателя, идутъ важно, о государственныхъ дѣлахъ разговариваютъ. «Не протянуть ли руки», думаютъ юноши: «не скажутъ ли нѣсколько словъ; а можетъ

быть, который нибудь изъ нихъ, взглянувъ на дамъ, не пожелаетъ ли познакомиться. Я познакомлю его съ этою самою дамою, а она за то можетъ ему замолвить доброе слово при случаѣ обо мнѣ». Но обыватели проходятъ важно, не обращая вниманія на поклоны юношей.

Вотъ бѣжитъ однако на встрѣчу одинъ и вставляетъ лорнетъ: Взглянувъ на дамъ, съ хохотомъ сдѣлалъ полуоборотъ и, точно не замѣчая юношу, идущаго рядомъ, оттопталъ ему ноги и вовсе оттеръ съ позиціи.

Юноша сдѣлалъ скачекъ на мѣстѣ отъ боли и почтительно, хотя и съ болью въ оттоптанныхъ пальцахъ, повернулъ назадъ и пошелъ, пріободряясь снова. Бродитъ у него такая мысль въ головѣ: не попадется ли тутъ, положимъ, дѣйствительная статская совѣтница N, не пригласитъ ли она его пообѣдать, а онъ извинится и скажетъ, что онъ обѣдаетъ сегодня уже у графини такой-то. Черезъ это онъ сейчасъ же возвысится въ ея глазахъ, такъ что она тотчасъ же возьметъ съ него слово обѣдать завтра, да пожалуй найдетъ для него мѣсто въ своей ложѣ сегодня же и скажетъ: «въ такомъ случаѣ, пріѣзжайте къ намъ въ ложу послѣ обѣда». А къ этой ложѣ подойдетъ навѣрное тотъ самый обыватель, который оттопталъ ему ноги, и увидавъ въ ней его, юношу, какъ своего человѣка, обратитъ на это вниманіе.

Но дѣйствительная статская совѣтница N не попадаетъ. Въмѣсто того, юноша встрѣчается лицомъ къ лицу съ своимъ оберъ-начальникомъ и его помощникомъ, ломаетъ шляпу и едва получаетъ кивокъ въ отвѣтъ, и идетъ далѣе, уже думая: «да не попадется ли наконецъ кто нибудь, кто бы позвалъ на щи съ кашей! ибо свиститъ въ карманахъ».

Вотъ какъ жито золотое юношество. Но вѣдь это профиль только самыхъ счастливыхъ и притомъ профиль самый внѣшній и поверхностный. Что должны были бы мы изобразить, если бы спустились глубже въ самый закулисный міръ интриги и лизоблюдства? Каково наконецъ было положеніе тѣхъ, кому недоступно было самое поле интриги и кто сгнивалъ на трехъ рубляхъ въ мѣсяцъ жалованья съ семьей? Могло ли положеніе этихъ совершаться иначе какъ на чужой счетъ въ тѣсномъ смыслѣ? Была ли для нихъ взятка обязательна? Итакъ, о ка-

кой же тут могла идти рѣчь нравственности, о какихъ принципахъ?

Можно судить такое положеніе какъ угодно, можно объяснять и оправдывать его какими угодно обстоятельствами, но прежде всего нельзя имъ хвастать; во вторыхъ, нельзя не признать, что оно обуславливалось ничѣмъ инымъ, какъ отсутствіемъ прямой связи между образованіемъ и кускомъ хлѣба, и въ третьихъ, наконецъ, нельзя не признать, что самое это положеніе могло держаться присутствіемъ, съ другой стороны, даровыхъ обезпеченій, т. е. крѣпостныхъ доходовъ, на которые жила, прямо или косвенно, вся часть общества носившаго рубашку въ брюки, — насколько она не жила на счетъ казны. Между тѣмъ число образованныхъ для проформы приливало, а доходы проживались вмѣстѣ съ капиталами. Число алчущихъ стать ближе къ чашѣ усиливалось, а чаша мелѣла, и притомъ мелѣла не только чаша помѣщичья, но и казенная. Должно ли это было дать себя почувствовать сколько нибудь на положеніи людей, не обезпеченныхъ, съ знаніемъ въ рукахъ, не дававшимъ прямо хлѣба?

Наконецъ крѣпостное право прекратилось, помѣщикъ сталъ жаться и проживать выкупныя свидѣтельства. Спрашиваю я, какъ же это должно было отразиться на его дѣтяхъ и должно ли было отразиться какъ нибудь? Существуетъ дѣйствительная связь между образованіемъ и кускомъ хлѣба, мы бы сказали, что дѣтямъ ровно не было никакого дѣла до измѣнившихся обстоятельствъ. Но развѣ эта связь существовала на самомъ дѣлѣ? развѣ грамотное дворянство безъ душъ и капиталовъ, изготовленное въ чиновничество, не было истиннымъ пролетаріатомъ? Не на то ли, что мы смутно чувствовали, насъ стали поучать собственныя дѣти и мы стали къ нимъ въ оборонительное положеніе? Но развѣ было чего пугаться въ сущности?

Очевидно было; только вмѣстѣ съ крѣпостнымъ вопросомъ рождался и дѣтскій, что обезпечивая крестьянъ, справедливость требовала также подумать о дѣтяхъ не въ томъ смыслѣ, чтобы давать имъ надѣлы, а въ томъ, что образованіе людей, готовившихся жить въ некрѣпостномъ обществѣ, должно было быть нѣсколько иное, не только по своему нравственному, но и матеріальному характеру. Уничтожая крѣпостныя отношенія между мужиками и помѣщиками, обратить вниманіе на вещи связанныя съ этими отношеніями въ другіе положе-

ніяхъ. Такая вещь, обусловленная чисто крѣпостными отношеніями, была въ нашемъ образованіи. Это была именно та чисто формальная роль, какую играло въ жизни отсутствіе связи между образованіемъ и обезпеченіемъ. Послѣдствія этого условія всегда отражались дурно на общественной нравственности, но условіе это при крѣпостныхъ отношеніяхъ было по крайней мѣрѣ фантически терпимо; теперь обстоятельства измѣнились, человѣкъ, который облыжался самымъ антикрѣпостнымъ началомъ жить не на чужой счетъ, а на свой собственный, имѣлъ въ виду всю перспективу пролетарія, если образованіе, на которое онъ тратилъ и время и послѣднія средства, служило только попусту для попусту, пріятнымъ препровожденіемъ времени. Объ этомъ, какъ хотите, а должны были подумать дѣти. Въ этомъ-то заключается ихъ вопросъ. — Нужно было очевидно одновременно съ крестьянскимъ рѣшить и этотъ вопросъ, или по крайней мѣрѣ замѣтить его присутствіе. Нужно было признать существованіе связи между образованіемъ и обезпеченіемъ за нѣчто по крайней мѣрѣ совершенно уже теперь неабѣжное и въ этомъ смыслѣ, снисходя къ меньшей братіи, не исключать никого изъ нашего сердоболія, обезпечивая крестьянъ, обезпечить и дѣтей.

Но если мы не умѣемъ примѣнять нашей жизни къ обстоятельствамъ, то она сама начнетъ примѣняться къ этимъ обстоятельствамъ; такъ было и здѣсь. Если мы не видѣли дѣтскаго вопроса, то онъ самъ долженъ былъ указать на себя и указать себя тѣмъ, что сами дѣти стали примѣняться къ новымъ обстоятельствамъ и стараться устроить какъ нибудь отсутствующую связь между кускомъ хлѣба и воспитаніемъ. Эта-то вотъ забота о кускѣ хлѣба намъ показала съ ихъ стороны матеріализмомъ, а отъ матеріализма во всѣ четыре стороны дорога открытая, въ ней сколько хватить краснорѣчія—все вѣроятно.

Я долженъ замѣтить однако читателю, что тутъ съ его стороны была маленькая недобросовѣтность: онъ смѣшалъ и принялъ матеріальное обезпеченіе за матеріализмъ, и на каламбуръ основалъ весь свой процессъ дѣтямъ. Поставонда своего вопроса дѣтьми не имѣла въ себѣ первоначально ничего такого, что бы оправдывало такое смѣщеніе, она выразилась въ усиленномъ стремленіи къ образованію вообще, не къ такому фор-

мальному образованію, какое было въ обыкновеніи прежде, а болѣе серьезному, и между прочимъ въ усиленномъ стремленіи къ образованію реальному, эта-то послѣдняя тенденція и послужила первымъ поводомъ къ подозрѣнію о развитіи въ молодомъ поколѣніи матеріализма. Но мы теперь можемъ догадываться, въ чемъ была тутъ сущность дѣла.

— Два рода школь и факультетовъ существовало у насъ до сихъ поръ — классическія и реальныя.

И то и другое изученіе составляло специальности; и то и другое избиралось юношествомъ, смотря не по вкусу и призванію только, а смотря также по куску хлѣба, который даетъ каждое. Люди съ классическимъ образованіемъ имѣли у насъ два пути, педагогичку и службу. Реалисты, кромѣ этихъ двухъ путей, могли становиться частными механиками, химиками, инженерами, медиками и проч. Ясное дѣло, что кусокъ хлѣба для послѣднихъ былъ разнообразнѣй, — рынокъ ихъ знаній былъ шире самъ по себѣ. Но за то реальныя факультеты требовали болѣе труда, болѣе терпѣнья и усидчивости. Факультетъ медицинскій и математическій были труднѣе факультета юридическаго, административнаго, филологическаго. Они давали между тѣмъ одинакія права службы, и пока служебная конкуренція была не слишкомъ велика, пока существовало крѣпостное право, и слѣдовательно масса дворянства, приливавшая въ университетъ, имѣла въ виду болѣе или менѣе готовое обезпеченіе, до тѣхъ поръ масса учащихся приликала преимущественно въ факультеты наиболѣе легкіе, оставляя насъ безъ техниковъ, химиковъ и проч., доводя служебную конкуренцію до совершенной борьбы изъ-за средствъ существованія.

Но крѣпостное право должно было пасть, средства дворянъ сократиться, число домашнихъ наставниковъ также; значительная часть дворянъ не могла разсчитывать на возможность прожить на собственные средства за то время службы, пока служба эта не могла ихъ сколько нибудь обезпечить, а извѣстное дѣло, что обыкновенная служба представляла на низшихъ мѣстахъ весьма малое обезпеченіе. Въ то же самое время шло сокращеніе штатовъ.

Понятенъ ли былъ при такихъ условіяхъ отливъ людей къ реальнымъ знаніямъ? Ясно, что этихъ знаній искало са-

мо юность, какъ наиболѣе обезпечивающихъ. Но вотъ съ насмѣшекъ надъ этими-то стремленіями, съ насмѣшекъ надъ дѣтскимъ кускомъ хлѣба, какъ извѣстно, и началось наше отношеніе къ дѣтскому вопросу. Это и были Базаровскія лягушки. Такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы обратить вниманіе на эти простыя въ существѣ обстоятельства, мы сразу ихъ не поняли, и я не знаю, не играло ли въ этомъ непониманіи, кромѣ непониманія, еще застарѣвшее чувство барства.

Не считалъ ли нашъ читатель образованіе для куска хлѣба просто чѣмъ-то унизительнымъ и вслѣдствіе этого унизительными для своихъ дѣтей всѣ повнанія, дававшія прямой кусокъ хлѣба. Если, не кончая курса въ одномъ изъ заведеній, изъ которыхъ масса ми выработывались прежніе золотые юноши, сынъ читателя свертывалъ съ дороги и уходилъ въ горшко-обжигатели, — это назалось уже непокорствомъ.

Будь читатель сколько нибудь разсудительнѣе, онъ сообразилъ бы, что его дѣтище поступаетъ здраво. Но вмѣсто того читатель выгонялъ сына, обругавъ его за такія понятія, а дочь запиралъ на четыре замка и назвалъ все это бунтомъ.

Но сынъ все-таки уходилъ въ горшко-обжигатели, ибо его гнала нужда, а читатель считалъ свою семейную гордость поправною, и воображеніе его стало переполняться косматыми, неумытыми фигурами, о которыхъ ноши толпа въ обществѣ, фигурами, выражающими собой дѣтское непокорство. Съ тѣхъ поръ, гдѣ бы онъ ни появлялся въ толпѣ, ему казалось, что его окружаетъ орда косматыхъ фигуръ и съ презрительной усмѣшкой глядитъ на него, и узнаетъ онъ между этими фигурами собственное дѣтище. Отравлены всѣ его успѣхи и наслажденія. Кажется ему, что вездѣ торчатъ эти неумытыя фигуры и всюду преслѣдуютъ его своими взглядами и въ этихъ взглядахъ читаетъ онъ точно укоръ всей своей жизни.

Факта этой косматой фигуры не можетъ переварить читатель, ни разрѣшить: она портитъ ему сонъ и пищу.

Читатель не спрашиваетъ однако, кто провормитъ непокорнаго горшко-обжигателя, если даровые обѣды закрываются. Да еслибъ и были даровые обѣды, — портной закрылъ кредитъ, не на что купить фрака. Хореографическія способности не гдѣ показывать также. Занятъ не у кого, некого даже обыграть въ карты.

Если бы я сказалъ теперь однако, что все практическое выраженіе опаснаго резонерства, которое мы преслѣдовали вмѣстѣ съ стриженными дѣвками и косматыми нигилистами, состояло въ испаніи труда, дающаго кусокъ хлѣба — въ такихъ занятіяхъ, въ какихъ прежніе отцы не привыкли видѣть своихъ дѣтей; если бы я прибавилъ, что взглянуть серьезно на дѣтскій вопросъ намъ прежде всего помѣшало собственное барство, то врядъ ли встрѣтилъ бы сознаніе въ этомъ со стороны читателя. А между тѣмъ каждый изъ нихъ долженъ очень хорошо знать, что такое стриженная дѣвка — это дочь — пожелавшая работы, — что такое резонеръ — это юнкеръ, ноступившій въ технологи.

Такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы обратить вниманіе на самыя простыя въ сущности обстоятельства и облегчить собственнымъ дѣтямъ средства обезпечить свое будущее положеніе, у насъ все это приобрѣло смыслъ вольнодумства и окрестилось въ нигилизмъ, а образъ благонамѣреннаго юноши слился съ тратой времени на пустыя занятія, которыя сулятъ въ будущемъ круглую необезпеченность. Мы точно думали, что общественное спокойствіе болѣе всего будетъ поддерживаться переполненіемъ общества людьми, которые менѣе всего найдутъ въ немъ себѣ обезпеченія. Вотъ въ сущности вещи, которыми были по головѣ, изъ которыхъ старались слѣпить политическую партію, вещи, которыя вздували всѣми силами и старались выдать за агитацію.

Въ нравахъ юношества дѣйствительно начиналась перемѣна, и нельзя сказать, чтобы она начиналась къ худшему, потому что вмѣсто того, чтобы учиться бить стекла въ трактирахъ, наше юнкерство стало учиться чему бы то ни было. Но мы хотѣли во что бы то ни стало, и не удивительно, если достигли отчасти, чтобы нашъ юнкеръ превратился не въ человека умѣющаго по крайней мѣрѣ хоть слѣпить горшокъ, — а въ философа, который думалъ бы, что если онъ лѣпитъ горшокъ, то онъ не горшокъ лѣпитъ, а производитъ политическую агитацію. Нужно было, чтобы это самое простое само по себѣ явленіе, стремленіе связать кусокъ хлѣба съ образованіемъ — совпало съ тѣмъ обстоятельствомъ, что у гимназиста Горобца (классика, замѣтите) попался въ карманѣ запрещенный листокъ, чтобы и то и другое явленіе было принято за одно, и тоже стремленіе

къ куску хлѣба объяснено было почти бунтомъ. Нужно было надо того, чтобы тотъ же гимназистъ Горобецъ узналъ изъ устъ публицистовъ, что если онъ хочетъ быть дѣйствительно запрещеннымъ лицомъ въ обществѣ, онъ долженъ изучить естественныя науки, и когда у него отняли запрещенный листокъ, онъ могъ себя успокоить тѣмъ, что продолжаетъ демонстрировать болѣе дешевымъ способомъ, изучая химию. Такимъ образомъ созданъ былъ Горобецъ — болванъ, демонстрирующій тѣмъ, что онъ болтаетъ о реализмѣ.

Что же мы имѣемъ однако въ результатъ такого пренебреженія къ дѣтскому вопросу, какъ вопросу экономическому? Мы имѣемъ двѣ вещи: съ одной стороны извѣстный процентъ ни къ чему не приуроченнаго и осмѣиваемаго въ самомъ молодомъ поколѣннн базаровства, съ другой стѣсненіе образованія, закрытіе университетовъ для женщинъ и массу праздныхъ кеедръ и пустоту въ открытыхъ аудиторіяхъ.

Гдѣ твои дѣти теперь, читатель, что они дѣлаютъ, учатся ли чему, и чему — я объ нихъ ровно ничего не знаю и потому спрашиваю тебя, учатся ли они чему либо такому, что дастъ имъ прямо кусокъ хлѣба, или перешибленное политическимъ процессомъ стремленіе къ образованію готовить въ молодомъ поколѣннн пролетаріевъ?

За что же вся масса юношества, въ которомъ обнаружилась тенденція искать себѣ трудового куска въ будущемъ, безъ расчета на готовое обезпеченіе, интриги и протекцію, подвергалось открытому подозрѣнію всякой инкриминаціи?

Уже процентъ необезпеченнаго образованнаго юношества составляетъ насущный фактъ, и это юношество голодаетъ. Такой ли это фактъ, чтобы не стоило обратить на него никакого вниманія. Я осмѣлюсь спросить, знаемъ ли мы, на сколько оно въ самомъ дѣлѣ голодаетъ, и извѣстна ли намъ статистика этого голоданія. Не время ли обратить вниманія на эту сторону дѣла. Не время ли тѣмъ въ особенности, которые такъ много хлопочуть о нравственности этого поколѣннн, понять, что эта нравственность не будетъ дана ни школьной дисциплиной, ни навязываніемъ одного вида образованія преимущественно передъ другимъ, ни лишеніемъ этого юношества куска хлѣба, а именно *этой связью* между кускомъ хлѣба и образованіемъ, въ которой первое начало всей педагогики. Но они-то именно полагаютъ,

что лучшая школа нравственности есть голодъ. Это все тѣ же розги, о которыхъ писалъ Добролюбовъ, и которыя разрушали всероссійскія иллюзіи, все та же удачно примѣненная пощечина гатчинскаго наставника, только на политической сковородѣ. Такова сущность вопроса. Въ слѣдующій разъ мы скажемъ специально о причинахъ, мѣшающихъ намъ проникнуться до сихъ поръ этой сущностью, о специальныхъ заслугахъ въ этомъ случаѣ замечнаго публициста, принявшаго и въ этомъ случаѣ—роль заплечнаго мастера нашего дѣтства.

Ю. Ж.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ВПРОСЪ МОЛОДАГО ПОКОЛѢНІЯ.

II.

Дворянство должно измѣнить свой образъ жизни; оно должно измѣнить вмѣстѣ съ тѣмъ и образъ мыслей и понятій, оно должно измѣнить и систему воспитанія. Въ этомъ оно еще не убѣждено. Оно любитъ однако напоминать о томъ, какія оно принесло жертвы за послѣднее время изъ своего кармана, и если оно въ самомъ дѣлѣ убѣждено въ этихъ жертвахъ, то въ его разсужденіяхъ оказывается противорѣчіе. Разсужденіе слѣдуетъ вести такъ: если были принесены жертвы и притомъ значительныя, то жертвы эти не могли быть ничѣмъ инымъ, какъ вычитаніемъ изъ дворянскихъ достатковъ. Грошь, переданный изъ одного кармана въ другой, есть во всякомъ случаѣ грошь, отнятый у того кармана, у котораго онъ отнятъ. А если мы сами говоримъ, что у насъ убыли не гроши, а цѣлыя состоянія, то отсюда логически вытекаетъ то заключеніе, что мы не можемъ разсчитывать на тотъ образъ жизни, на который разсчитывали прежде. А если мы мѣняемъ образъ жизни, то должны измѣнить вмѣстѣ съ тѣмъ и наши понятія и систему воспитанія. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ мы разсуждаемъ совершенно обратно. Мы принесли, говоримъ мы, значительныя жертвы, мы отдали чуть не половину нашихъ состояній на общее дѣло обезпеченія крестьянъ—и продолжаемъ разсчитывать на прежній образъ жизни, на прежніе нравы. Пять лѣтъ къ ряду общество представляется защищающимъ

свое барство въ различныхъ отѣнкахъ, подѣ различными предлогами и основаніями. Общество протестуетъ противъ оскверненія дворянскихъ рукъ не-дворянскимъ трудомъ. Органы, принявшіе на себя защиту нашихъ интересовъ, не скажу — съ возмутительнымъ цинизмомъ, а съ идеальной безтолковостью выставляютъ на видъ нашу прозорливость, нашу способность распорядиться только такимъ сумасшедшимъ образомъ нашими остатками, за который по закону эти остатки слѣдуетъ брать подѣ опеку. Все это для того, чтобы потѣшить барскоѣ самолюбіе, спасти отцовскій духъ безопасности и самодурства въ дѣтяхъ.

Аристократическая жилка раздражается, муссируется духъ барской расточительности и вмѣсто того, чтобы думать о работѣ, дающей кусокъ хлѣба, мы рассчитываемъ еще на мѣдныя деньги сыграть роль общественныхъ дѣятелей и покровителей бѣдности, патронизируя учрежденія различныхъ благотворительныхъ обществъ въ новомъ вкусѣ пятью рублями, недоплаченными по этому случаю по счету прачкѣ.

Одно изъ двухъ: или мы въ самомъ дѣлѣ можемъ еще продаться, можемъ содержать на оброки и поземельные доходы по прежнему цѣлый хвостъ дивидизованныхъ пролетаріевъ, не приуроченныхъ къ дѣлу, можемъ воспитывать изъ нашихъ дѣтей салонную сволочь, — и тогда, значить, о какихъ же мы толкуемъ значительныхъ пожертвованіяхъ? Очевидно, что иди принесенныя жертвы незначительны для того, чтобы отразиться сколько нибудь на нашихъ нравахъ, — слишкомъ незначительны, чтобы заслуживать названіе жертвъ; или въ самомъ дѣлѣ время нашихъ достатковъ прошло и тогда невозможно болѣе барство, и продолжать воспитаніе дѣтей въ смыслѣ атого барства составляетъ уголовное передѣ нами преступленіе и самый нелѣпый обманъ. Таково противорѣчіе, которое жуесть, пережевываетъ въ послѣднія пять лѣтъ общество, раздраженное грубостью вольноотпущенныхъ, закрытіемъ кредита, ничтожествомъ дохода. И это-то вотъ противорѣчіе стараемся мы выдавать въ нашемъ слабомысліи за любовь къ отечеству, оправдать пользой. Польза отечества въ нашемъ мотовствѣ—для того, чтобы спасти принципъ барства, служившій опорой порядку. Загадочно! Будемъ же рѣшать эту загадку, будемъ взвѣшивать и самый принципъ мотовства и его аргументацію отечественной пользой; авось узнаемъ этимъ пу-

темъ, о чемъ въ сущности хлопочуть, сами того не сознавая, наши баричи.

Въ человѣкѣ существуетъ особенное свойство принаравливать свои понятія къ своему положенію, искать въ этомъ положеніи успокоительныхъ и ласкающихъ самолюбіе сторонъ, и онъ находитъ эти стороны во что бы то ни стало и во всякомъ случаѣ. Онъ всегда сумѣетъ освѣтить въ своемъ образованіи извѣстныя его стороны такъ, чтобы найти въ нихъ источникъ гордости для себя, несмотря на то, стоятъ ли эти стороны его гордости или нѣтъ. Работникъ, крестьянинъ, лакей, купецъ или баринъ — въ каждомъ положеніи скрыта своя социальная гордость, въ каждомъ положеніи укрѣпилась и живетъ преимущественно чрезъ поколѣнія своя доля презрѣнія къ другимъ положеніямъ и своя гордость, уваженіе и привязанность къ особенностямъ своего собственнаго. Есть такая гордость въ русскомъ крестьянинѣ, направленная противъ всего, что не мужикъ. Она была еще замѣтнѣе въ нашемъ лакействѣ, которое считало для себя обиднымъ возвращеніе къ мужицкому положенію. Эта-то спѣсь особенностями своего положенія существовала въ такъ называемыхъ цивилизованныхъ слояхъ. Не разбирая, хороши или дурны тѣ особенности, которыя намъ принадлежали, мы гордились ими, какъ нашими личными особенностями. Мы привыкли смотрѣть на эти особенности, какъ на нѣчто нравственно цѣнное просто потому, что они составляли особенность нашего положенія, и болѣзненно смотрѣли на ихъ утрату, какъ на ущербъ нашей гордости и оскорбленіе, хотя бы въ сущности наше нравственное положеніе только выигрывало вслѣдствіе такихъ утратъ, хотя бы потеря этихъ-то именно особенностей и давала намъ право гордиться чѣмъ нибудь, а сохраненіе ихъ въ сущности насъ только унижало.

Что безнравственнѣе, въ сущности, жизни на чужой счетъ; а между тѣмъ эта-то жизнь на чужой счетъ составляла всю подкладку барской крѣпостной гордости. На этой подкладкѣ выросли извѣстныя понятія о достойномъ и унижительномъ, выросли и утвердились совершенно однообразно, съ пунктуальной тожественностью — вездѣ, гдѣ люди находились въ одномъ положеніи. Барство вездѣ, гдѣ оно ни существовало, было тѣмъ горделивѣе, чѣмъ шире оно могло распорядиться чужимъ трудомъ, и видѣло доблесть въ тратахъ на ши-

рокую ногу. Между тѣмъ какъ работникъ утѣшался въ своемъ удрученномъ положеніи и гордился именно тѣмъ, что всѣ его траты оплачиваются его личнымъ трудомъ, барство вездѣ смотрѣло на пропитаніе личнымъ трудомъ, какъ на нѣчто для себя оскорбительное. — въ то время какъ это-то и составляло гордость работника.

Понятно, что въ существѣ дѣла не можетъ же быть вещей, оскорбляющихъ и унижающихъ одного человѣка и не унижающихъ другаго. Не можетъ же быть этого раздѣленія людей на категоріи, изъ которыхъ для одной было бы въ самомъ дѣлѣ достойно то, что для другой оскорбительно. Ктонибудь былъ здѣсь неправъ, или мужикъ, или баринъ. И выбирая между двумя мнѣніями, мы теперь не затруднимся конечно рѣшить, что былъ скорѣе въ правѣ гордиться тотъ, кто гордился личнымъ трудомъ, чѣмъ тотъ, кто гордился личной расточительностью этого труда.

Но такова сила привычки, что не смотря на анализъ, на логическое убѣжденіе, человѣкъ все-таки готовъ хвастать своими дурными сторонами и считать для себя оскорбительными болѣе нравственное положеніе, болѣе достойныя условія.

Органы продолжаютъ хвастать отъ лица нашего цивилизованнаго общества этими именно привычками, въ которыхъ общество уронило свое нравственное значеніе.

Къ чести или не къ чести этого общества, я долженъ однако сказать, что оно никогда не понимало настоящей причины, въ силу которой оно училось гордиться этой властью надъ чужимъ трудомъ и возможностью расточительности. Оно не понимало, что поддерживая въ немъ эту гордость, думали поддержать въ немъ вовсе не расточительность, а возбудить духъ приобрѣтенія, который составлялъ дѣйствительный залогъ аристократизма, какъ сословной силы. Оно понимало свое барство грубо и материально, иначе оно не издерживалось бы и не проматывалось, между тѣмъ какъ теперь всю политическую роль оно перагало въ мотовствѣ. Хорошо это было или дурно, но въ этомъ заключается серьезное условіе, рѣшающее его вопросъ.

Печально повѣсивъ носъ, разсуждая теперь надъ своимъ положеніемъ, оно довольно, когда его тѣшатъ картинами застольнаго пьянства, когда его раздражаютъ противъ людей, пытающихся примѣниться къ новымъ условіямъ и стать на нѣ-

сколько иную точку зрѣнія къ тому, что стоитъ гордости или вѣтъ. Оно довольно, когда его усыпляютъ надеждами на то, что можно еще воскресить растроченные доходы, испортивъ положенія 19 февраля; поддерживавъ духъ барства въ школахъ и молодомъ поколѣніи, отнявъ кусокъ хлѣба у дѣтей и женщинъ. Его теперь надоумливаютъ о томъ, что оно должно сплотиться въ корпорацію; учать, что въ его прошедшихъ доходахъ заключались не только доходы, а политическая сила, т. е. обезпеченіе на будущее время такихъ же доходовъ, такого же барства, утративъ которые, оно утратило вмѣстѣ съ тѣмъ и въ жизни возможность удержать за собой какія либо привилегіи. Его учать съ отчаянія поставить своихъ дѣтей; что называется, въ упоръ къ стѣнѣ, лишивъ ихъ куса хлѣба для того, чтобы масса созрѣвающаго конкерства, лишенная положительныхъ знаній, масса истинныхъ пролетаріевъ, была вынуждена очертя голову и во что бы то ни стало желать дароваго куса и такимъ образомъ поддерживать принципъ барства. Все это-то вотъ называется патриотизмомъ. Почему, на какомъ основаніи патриотизмъ можетъ нуждаться въ этомъ барствѣ? знаютъ ли наши философы, настаивающіе на спасеніи барскаго начала, въ чемъ полагалась историческая роль этого барства, въ чемъ заключались его аргументы, которыми оно защищало себя теоретически, какъ политическій принципъ въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣ времена, когда оно считалось необходимымъ элементомъ цивилизаціи?

Я укажу на эти аргументы «противъ себя» для того, чтобы ничего не оставить въ сторонѣ и безъ возраженія. Барство, говорятъ, играло въ политическомъ отношеніи двоякую роль, его оправдывающую. Оно составляло средство, дисциплинирующее массу. Поэтому-то оно и называло себя опорой политическаго единства. Барство съ другой стороны играло роль цивилизующую; оно, живя на готовыхъ средствахъ, не тратя времени на грубый трудъ, служило тѣмъ укромнымъ угломъ, въ которомъ находила свое помѣщеніе и пріютъ цивилизація. Потому-то, говорятъ, нельзя относиться къ нему съ такой безцеремонностью—ибо, посягая на него, мы посягаемъ и на орудіе централизаціи, посягаемъ и на нашу цивилизацію.

Согласимся, что это барство служило такимъ орудіемъ централизаціи, что при его существованіи могла развиваться въ извѣстныхъ предѣлахъ цивилизація, плодами которой оно одно,

говоря между прочимъ, и пользовалось только. Остается затѣмъ все-таки вопросъ: какую дисциплину и какую цивилизацію приносило это барство?

Всякое орудіе цѣнится по его результатамъ и по дѣйствию—бываютъ орудія, дающія большіе и меньшіе результаты въ томъ же направленіи; бываютъ орудія грубыя и несовершенныя, съ которыми при всемъ искусствѣ достигаются только весьма недостаточные результаты, влекушіе за собой съ другой стороны страшныя пожертвованія; орудія, при помощи которыхъ можно достичь только весьма условнаго и ограбченнаго успѣха, и нельзя, не смотря ни на какія усилія, достичь большаго успѣха, потому что эта ограниченность заключается въ свойствахъ самаго орудія.— Человѣчество въ своемъ развитіи начинается вообще съ пользованія такими несовершенными и непосредственными орудіями и только опытъ и постепенное развитіе приводитъ его къ пользованію средствами болѣе совершенными и болѣе успѣшными. Никто не станетъ утверждать конечно, чтобы такое орудіе, первобытное и несовершенное, было навсегда самымъ пригоднымъ къ дѣлу человѣчества, потому что въ извѣстный періодъ невѣжества оно служило первымъ средствомъ достиженія извѣстныхъ результатовъ. Но такимъ-то грубымъ орудіемъ дисциплинировать массу и было барство и крѣпостничество. Вопросъ поэтому не въ томъ, служить ли барское начало орудіемъ извѣстнымъ цѣлямъ, но какимъ орудіемъ оно было для этихъ цѣлей, достаточно ли пригоднымъ и совершеннымъ для того, чтобы можно было о немъ говорить серьезно, какъ о средствѣ, дающемъ политическое единство и цивилизующемъ. Вотъ тутъ-то именно и оказывается, что это было начало, задерживающее самое объединеніе массъ на весьма грубой и недостаточной степени — задерживающее цивилизацію на извѣстной грубой степени, дальѣ которой въ связи съ этимъ началомъ не можетъ развиваться цивилизація. Барское начало являлось централизующимъ тогда, когда для объединенія людей вообще было одно средство — война, и не было сознанія ни другихъ связующихъ средствъ, ни сознанія самой выгоды отъ объединенія. Въ это время объединеніе представлялось въ чисто политической военной формѣ и это политическое объединеніе приносила съ собою политическая власть, извнѣ налагавшая его и приносившая чуждую массамъ дисциплину. Понятно, если эта

власть искала поэтому сдѣлки съ барскимъ началомъ для дисциплинированія.

Но съ тѣхъ поръ понятіе о централизаціи или дисциплинѣ перешло эту грубую форму, потому что явились и указались сами собою инныя орудія и средства объединенія, инныя причины объединенія, кромѣ посягательства на чужой личный произволъ.

Эти орудія—тѣ выгоды, которыя извлекаютъ люди изъ взаимныхъ дружественныхъ сношеній, изъ взаимнаго подчиненія другъ другу, изъ взаимныхъ связей другъ съ другомъ и дисциплины. Съ помощію такого сознанія люди, нѣтъ сомнѣнія, способны устроить между собою такія связи, провести начало объединенія въ такой формѣ, которымъ конечно уступаетъ грубое начало крѣпостнаго объединенія. Послѣ этого понятно, что барское начало представляетъ собой дисциплину въ грубой формѣ, удерживаетъ народъ отъ болѣе тѣснаго, совершеннаго объединенія. А если въ объединеніи людей ихъ сила, то барство, стало быть, служитъ уже источникомъ политической слабости народа въ сравненіи съ народомъ, дисциплинированнымъ иначе. Формы самобытнаго хозяйства, задачи которой представляетъ народное село съ своей землей, не обязательной работой на землевладѣльца, конечно не менѣе связываютъ, цивилизуютъ и дисциплинируютъ, чѣмъ барскія владѣнія, — несомнѣнно тѣснѣе и рациональнѣе связываютъ людей, чѣмъ крѣпостная община, но они-то упраздняютъ барское начало въ дѣлѣ дисциплины, и потому понятно все нерасположеніе перваго къ этой формѣ народнаго труда.

Съ другой стороны барство вездѣ употребляло всѣ средства для того, чтобы препятствовать этой формѣ объединенія, и потому-то нигдѣ до сихъ поръ дѣло взаимной дисциплины не пришло и не развивалось до той степени, чтобы сплотившіяся корпораціи могли на самомъ дѣлѣ положить предѣлъ всякимъ толкамъ о необходимости барской опеки въ той или другой формѣ надъ народнымъ трудомъ. А потому-то въ концѣ концовъ мы не можемъ даже сказать, на сколько въ самомъ дѣлѣ барское начало служило опорой политическаго единства и на сколько препятствовало болѣе прочному политическому единству, и не устроилось ли бы это единство въ болѣе прочномъ видѣ помимо помѣхи въ этомъ дѣлѣ барства. Къ чему же мы станемъ поощрять послѣ этого барство? Ясно къ чему,—

къ тому, чтобы иные люди раньше насъ вступили на путь свободныхъ корпорацій и оказались лучше объединены и политически сильнѣе насъ.

Что же касается цивилизующей роли барскаго начала, то она слишкомъ очевидно исключительная, слишкомъ условная для того, чтобы стоило на ней останавливаться. Рабочая корпорація представляется не потому только предпочтительною передъ владѣльческой въ ея разнообразныхъ формахъ, что она сильнѣе; но она потому именно сильнѣе, что болѣе оставляетъ въ своихъ рукахъ изъ того, что вырабатываетъ, а потому является и вмѣстѣ съ тѣмъ цивилизованнѣе. Въ одномъ случаѣ мы получаемъ цивилизованную или полуживилизованную единицу на темную массу, въ другомъ—общую цивилизацію; тутъ выборъ не можетъ быть затруднителенъ. А если цивилизація есть сила, то ясно, что барское начало, уединяющее цивилизацію въ ограниченную часть общества, ослабляетъ политическую силу народа.

И такъ, какія же были бы патріотическія причины поддерживать у насъ это начало? одна причина—дать другимъ опередить насъ еще болѣе въ цивилизаціи.

Такимъ образомъ сохраненіе барскаго начала оказывается политической безтактностью съ двухъ сторонъ, въ смыслѣ развитія тѣсныхъ отношеній между людьми, въ смыслѣ цивилизаціи. Для того, чтобы все это стало наглядно, стоитъ только сравнить тѣ общественныя формы, которыя даютъ это начало въ результатѣ, съ формами имъ противоположными. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ крѣпостныя общины, населенныя привязанными къ ней закономъ рабочими силами, можемъ имѣть въ виду и впредь селенія или фабричныя общины владѣльческія, населенныя наемными людьми или работниками.

Одно то обстоятельство, что люди изъ крѣпостныхъ рабочихъ становятся наемными, не мѣняетъ еще въ существѣ самыхъ результатовъ. Народный трудъ продолжаетъ направляться не на тѣ предметы, которыхъ требуютъ народныя нужды, а на тѣ, пользованіе которыми допускаютъ средства предпринимателя—капиталы скопляются не въ народѣ, а въ рукахъ лицъ, работающихъ батраками. Народъ остается по прежнему бѣденъ и нецивилизованъ, а составляются отдѣльныя состоянія, которыя тратятся и употребляются тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ крѣпостныхъ условіяхъ. Какъ бы ни были значительны эти

отдѣльные капиталы, но они никогда не равняются съ тѣми, которые образуются въ томъ случаѣ, когда состоянія разливаются въ массѣ. Часть единичныхъ капиталовъ уходитъ всегда на роскошь, тратится убыточно и ежегодно вычитается изъ народнаго богатства. Промышленность устроивается въ расчетѣ на потребителей роскоши и потому направляется всегда ложно и устроивается не для всѣхъ, а для исключительныхъ состояній.

Никогда, въ самыя двѣтущія времена аристократическихъ состояній, при помощи скопленія огромныхъ богатствъ въ отдѣльныхъ рукахъ не могло быть осуществлено и тѣни тѣхъ предпріятій, которыя могли быть осуществлены въ Европѣ въ послѣднее время. А эти предпріятія были именно осуществлены не на отдѣльные капиталы, а на незначительные мелкіе капиталы, собранные въ среднемъ классѣ. Если же такого ничтожнаго раздѣленія и образованія среднихъ достатковъ въ среднемъ кругу, какое произведено въ Европѣ уничтоженіе крѣпостнаго труда, было достаточно для осуществленія предпріятій, о которыхъ никогда не могли мечтать капиталы аристократической эпохи; то мы едва ли можемъ составить въ настоящую минуту достаточно вѣрное понятіе о громадности той силы, которая окажется въ рукахъ общества, гдѣ такіе средніе достатки станутъ достояніемъ большинства. Такимъ образомъ, если измѣненіе крѣпостнаго труда на наемный и даго Европѣ серьезный перевѣсъ передъ нами относительно успѣховъ во всѣхъ отрасляхъ хозяйственной и умственной культуры, то это не потому, что наемный трудъ способствовалъ къ скопленію отдѣльныхъ громадныхъ состояній, а потому только, что онъ прежде всего далъ возможность развиться до известной степени и массѣ мелкихъ состояній.

Разливъ богатствъ въ массу составляетъ такимъ образомъ настоящій критеріумъ и признакъ народнаго могущества, а вовсе не образованіе отдѣльныхъ огромныхъ состояній. Потому-то осуждается съ политической точки зрѣнія не только крѣпостное барство, но и барство промышленное, ибо если первое не даетъ вовсе развиваться какимъ либо среднимъ достаткамъ, то второе допускаетъ такое развитіе въ слишкомъ ничтожныхъ и ограниченныхъ предѣлахъ. А между тѣмъ слѣдуетъ кажется обратить вниманіе на то, что между народами, какъ политическими единицами, идетъ таже конкуренція изъ-за богатствъ, какъ и между отдѣльными лицами. Никакой стач-

кой, никакой дипломатической сдѣлкой государство не обязано не развивать своего богатства даже другаго. Пока возможно было опережать другъ друга въ богатствѣ, опираясь на крѣпостной трудъ, до тѣхъ поръ отдѣльные лица стояли за крѣпостное право и сами государства держались этой системы. Точно также, пока возможно богатѣнне, опирающееся на наемную систему, пока ни одно государство не вынуждено было искать источниковъ дальнѣйшаго богатѣннн въ дальнѣйшемъ разливѣ богатствъ въ массу, до тѣхъ поръ Европа можетъ держаться условной степени разлива богатствъ въ массу, которую допускаетъ ея батраческая система. Но нѣтъ сомнѣннн, что существующія государства будутъ вести неограниченную войну изъ-за богатствъ, а потому, идя далѣе, будутъ вступать все рѣшительнѣе на путь разлива богатствъ въ массу. И счастливѣйшимъ будетъ то, конечно, которое раньше другихъ вступить на этотъ путь. Счастливейшимъ потому, что сумма единичныхъ капиталовъ, какъ бы они ни были значительны, всегда составитъ дробь въ сравненнн съ тѣми капиталами, которые могутъ быть во всякое время составлены изъ среднихъ достатковъ массы въ томъ случаѣ, когда масса пользуется этими достатками. *Распространеннне достатка въ массу составляетъ по этому закону политическаго роста и силы нации*, — законъ, приближаясь къ которому, они только и опережали другъ друга въ своемъ развитнн...

Взаимная конкуренція между народами изъ-за богатствъ — вотъ та движущая сила, которая дѣятельно заставляла ихъ вступать на путь все большаго разлива богатствъ и образованнн среднихъ состоянннн. И какъ бы они ни шли медленно по этому пути, несомнѣнно, что они вынуждены политическимъ интересомъ заходить по этому пути все далѣе и далѣе.

Какъ ограниченное развитнне богатствъ, допускаемое крѣпостными условннми, составляло приговоровъ крѣпостной системы, точно также и ограниченное развитнне богатствъ, допускаемое батраческой системой, составило и политическнн приговоръ на смерть этой системы. Государства Европы, придерживаясь внутри монопольныхъ или аристократическихъ системъ хозяйства — крѣпостной или батраческой, — тѣмъ самымъ останавливали, выражаясь безусловно, развитнне своей силы и своихъ богатствъ. Но между ними самыми отсталыми и несчастными были тѣ, которые держались монополнн въ грубѣйшей

формѣ; такъ государства, державшіяся ерѣвостной системы, наименѣе допуславшей образованіе среднихъ достатковъ, играли и наиболѣе второстепенную роль относительно цивилизаціи и матеріальнаго богатства. Ни пространныя владѣнія, ни масса зависимаго населенія, не давали Россіи возможности конкурировать относительно цивилизаціи и развитія богатствъ съ Европой. И напрасно было бы конечно скрывать тотъ фактъ, что страна наша эксплуатировалась въ матеріальномъ отношеніи европейцами почти какъ колонія. Система монополій, допуславшаяся внутри, отражалась такимъ образомъ совершенно категорически и на внѣшнихъ отношеніяхъ къ другимъ государствамъ, и здѣсь въ результатъ государство расплачивалось тѣмъ болѣе отсталымъ и зависимымъ положеніемъ, чѣмъ болѣе монопольнымъ отбѣнкомъ отмѣчена была система его внутренняго хозяйства, чѣмъ менѣе способствовала эта система развитію среднихъ достатковъ.

Какъ развитіе высказаннаго закона о томъ, что усиленіе матеріальнаго могущества прямо пропорціонально развитію среднихъ достатковъ, мы можемъ поэтому признать неизбѣжное отраженіе уклоненія отъ этого закона на внѣшнемъ положеніи каждаго государства. Мы утверждаемъ: что хотимъ, «чтобы Россія вышла изъ своего отсталаго положенія относительно Европы, чтобы она догнала ее, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше». Но какъ же она достигнетъ этого, какъ не сознавъ, что единственный путь, ведущій къ матеріальному могуществу, есть развитіе среднихъ достатковъ въ массѣ, и выполнивъ это требованіе? О разливѣ богатствъ и образованіи среднихъ достатковъ въ массѣ, о перемесеніи центра тяжести культуры въ массу, заставляетъ насъ хлопотать нашъ собственный политическій интересъ, — а вовсе не о барствѣ.

Защита барства играетъ поэтому, какъ видите, весьма жалкую роль въ вопросѣ патріотизма. И я не знаю большей политической безгактности, которую могло было сдѣлать правительство его поощряя, и точно также не знаю, какъ назвать патріотизмъ, хвастающій своей расточительностью.

Европа, видите ли, будетъ идти къ тому, чтобы богатѣть на счетъ образованія среднихъ достатковъ; она будетъ хлопотать о корпоративномъ трудѣ, о рабочихъ обществахъ; мы будемъ все это называть еще социализмомъ и занимать европейскій капиталъ на условіяхъ для того, чтобы отдавать ихъ на поощ-

решіе владѣльческихъ хозяйствъ, дающихъ нуль процентовъ, и безкорыстный патриотизмъ будетъ нами руководить при этомъ.

Очевидно, защита барства въ принципѣ врядъ ли заслуживаетъ названія совершенно противоположнаго патриотизму, и вопросъ сводится на личный вопросъ поддержать разрушившіяся въ барствѣ состоянія. Въ этой-то формѣ и займемся теперь вопросомъ. Въ этомъ-то смыслѣ спрашивается, не есть ли пустая иллюзія весь нашъ расчетъ поддержать эти состоянія, поддерживая барство какъ принципъ, не есть ли это напрасное раздраженіе воображенія, или въ какомъ случаѣ несущественное? И не самое ли рациональное и единственно возможное, о чемъ можетъ идти рѣчь, это — облегченіе, которое могли бы найти землевладѣльцы въ поддержаніи цѣнности земель, у нихъ оставшихся?

Двѣ формы хозяйства поставлены крестьянской реформой рядомъ: старыя помѣщичьи усадьбы съ вольнонаемнымъ трудомъ и крестьянское сельское общество. Одна изъ этихъ формъ должна выгорѣть; двѣ рядомъ процвѣтать не могутъ: или крестьянское хозяйство возьметъ перевѣсъ, или помѣщичье. Если случится послѣднее, то крестьяне превратятся въ батраковъ, а нынѣшніе помѣщики въ конецъ разорятся и сдадутъ земли за безцѣнокъ кулакамъ-промышленникамъ, которые и будутъ настоящими помѣщиками. Если случится первое, то выиграютъ и крестьяне и помѣщики, ибо земля послѣднихъ скорѣе найдетъ выгодныхъ арендаторовъ и поунщиковъ между крестьянскими обществами, чѣмъ между случайными промышленниками изъ кулаковъ, и это тѣмъ скорѣе и выгоднѣе, чѣмъ въ лучшемъ положеніи будутъ находиться крестьяне.

Помѣщики, сколько извѣстно, утверждаютъ, что они не могутъ конкурировать съ крестьянами и слѣдовательно обрабатывать сами своихъ земель, и между тѣмъ все-таки продолжаютъ толковать о поземельномъ кредитѣ на поправленіе своихъ хозяйствъ. Получая самый ничтожный процентъ отъ хозяйства, они не могутъ, стало быть, и выплатить процентовъ съ тѣхъ капиталовъ, которые могутъ быть имъ даны взаимны для поддержанія ихъ хозяйствъ. Поддержать ихъ хозяйство есть, стало быть, одно средство, это — зарѣзать крестьянское хозяйство, не хозяйственнымъ, а насильственнымъ путемъ — путемъ привилегій. Если же дать помѣщичьимъ хозяйствамъ только капиталы на поддержку хозяйствъ, т. е. остановиться

на полумѣрѣ, то это будетъ значить только растратить капиталы, не поддержавъ помѣщичьихъ хозяйствъ—растратить капиталы, которые съ большою выгодой для самихъ помѣщиковъ могли бы быть употреблены на поддержаніе не помѣщичьихъ, а напротивъ крестьянскихъ хозяйствъ. Если кто нуждается поэтому въ кредитѣ, то это именно крестьянскія общества, для того, чтобы имѣть возможность купить помянутыя земли въ выгоду послѣднихъ же, а вовсе не помѣщичи.

Такимъ образомъ представляется такая альтернатива: или зарѣзать крестьянское хозяйство не хозяйственными путями, или въ выгодахъ самихъ помѣщиковъ поощрять эти хозяйства, потому что съ развитіемъ крестьянскихъ достатковъ и промышленности неизбежно возрастетъ и цѣнность помѣщичьихъ земель,—и эта-то поддержка для меня представляется единственно основательною, на которую можно рассчитывать для облегченія участи землевладельцевъ.

Если же останутся на полумѣрѣ поощренія помѣщичьихъ хозяйствъ, то не выиграетъ уже ни помѣщичье хозяйство, ни крестьянское, а выйдетъ новая комбинація, худшая изъ всѣхъ, потому что она не принесетъ пользы ни помѣщику, ни крестьянину. Помѣщикъ зарвется долгами, его земли пойдутъ съ молотка и будутъ скуплены кулаками, вмѣсто крестьянскихъ обществъ, скуплены за личную плату—тогда-то дѣйствительно выгоритъ барство; но оно выгоритъ не для тѣхъ вовсе, кто о немъ хлопочетъ теперь, оно выгоритъ въ пользу кулаковъ-промышленниковъ. Поэтому, исправить положенія 19-го февраля въ пользу помѣщиковъ нельзя, какъ думаютъ наши баричи, можно только испортить положенія 19-го февраля для крестьянскихъ обществъ; исправить же ихъ можно только для кулаковъ-промышленниковъ, которые при недостаточномъ развитіи крестьянскихъ обществъ и дальнѣйшемъ разореніи помѣщиковъ поддержками и кредитами, скупятъ рано или поздно помѣщичьи земли съ молотка. Я не знаю поэтому, какую выгоду находятъ защитники дворянскихъ интересовъ въ поддержкѣ барскаго начала. На мой взглядъ вся эта поддержка есть безкорыстнѣйшая изъ услугъ и жертвъ со стороны дворянства своими собственными интересами въ пользу кулаковъ-промышленниковъ. И этого-то вотъ не видятъ слабоголовые дворянскіе публицисты. Каковы бы ни были послѣдніе результаты, если бы мы предположили, что нашимъ

адептамъ барскаго толка удалось къ разоренію крестьянъ вновь утвердить у насъ барскія отношенія въ той или другой формѣ, сохранить барскіе нравы и привычки, барскую цивилизацію и обезпечить царство стерляжьихъ нировъ, безумныхъ содержаловъ и т. п.,—все это ими будетъ устроено не для того барства, о которомъ они хлопчутъ теперь;—все это ими будетъ устроено и всѣмъ этимъ воспользуются только кулаки-промышленники. Они будутъ барствовать во всякомъ случаѣ. И ихъ барство ничѣмъ не улучшитъ положенія, а напротивъ только ускоритъ разореніе и ухудшитъ положеніе нынѣшняго владѣющаго сословія.

Повторяемъ, этому послѣднему не спасти своего положенія. У него нѣтъ для этого ни капиталовъ, ни предпримчивости, ни промышленныхъ и реальныхъ знаній и опыта. И потому, если уже выразятся ихъ изыкомъ, имъ остается выбирать между двумя видами барства, или барствомъ крестьянскаго села, крестьянскихъ и городскихъ общинъ, или барствомъ кулаковъ-промышленниковъ. Въ этомъ-то съ точки зрѣнія ихъ интересовъ не можетъ быть, говорю я, затрудненія. Неумѣющіе наживать, лишеныя предпримчивости, знанія и энергии, ограниченные въ своей предпримчивости эксплуатаціей своихъ земель, которая не можетъ продолжаться выгодно по ихъ собственному сознанію — они могутъ разсчитывать на одно, это на цѣнность своихъ земель. Если ихъ положеніе жалко и сомнительно, то это потому, что земля эта имѣетъ сама по себѣ слишкомъ мало цѣнности. Для нихъ остается поэтому одна возможная надежда, одинъ расчетъ, это—чтобы земля эта приобрѣла большую цѣнность. А земля можетъ приобрести эту цѣнность только при возрастаніи общаго богатства съ успѣхами народной производительности, а не при ея дальнѣйшемъ упадкѣ. Всякій же заемъ, заключенный лично нынѣшними владѣльцами для поправленія собственнаго хозяйства нынѣшнихъ владѣльцевъ, только уронитъ еще болѣе производительность, поведетъ къ убыточной растратѣ труда и капиталовъ и слѣдовательно въ концѣ концовъ еще болѣе убьетъ и понизитъ цѣнность помѣщичьихъ земель; земли эти тѣмъ легче перейдутъ за безцѣнокъ въ руки кулаковъ-предпринимателей въ ущербъ помѣщиковъ и совершенный ущербъ ихъ дѣтей, которые будутъ воспитаны въ гостинномъ тунеядствѣ и не будутъ знать, за какое дѣло взяться ради куска хлѣба. А

можно рассчитывать и по тѣмъ процентамъ, на которые можетъ быть заключенъ такой заемъ, и на тѣмъ доходамъ, которые могутъ быть получены отъ имѣній землевладельцами, что никакой заемъ не можетъ быть ими выдержанъ. Возрастаніе поземельной цѣнности представляется поэтому единственнымъ условіемъ, отъ котораго можетъ ждать кой-какихъ достатковъ настоящее владѣющее сословіе и для себя, и для своихъ дѣтей.

И такъ, спрашиваю у нихъ еще разъ, что же для нихъ выгодно;—когда ихъ земля должна подняться въ цѣнѣ равномѣрно, быстро и повсемѣстно? Не тогда ли именно, когда разовьется промышленность и предпримчивость крестьянскихъ селъ, а не одиночная, разбросанная и случайная предпримчивость кулаковъ-предпринимателей? Есть ли для нихъ какой либо расчетъ отбѣснить развитіе богатства крестьянъ и ихъ обществъ, убить развитіе сельскихъ обществъ и предпримчивость какими бы то ни было вѣнскими шврами, отнять въ свои руки и истратить попусту капиталы, которые могли бы быть отданы именно на развитіе промышленности крестьянскихъ обществъ для того, чтобы въ концѣ концовъ отдать свои земли за безцѣнокъ случайнымъ спекуляторамъ и оставить дѣтей безъ средствъ?

И такъ, даже съ чисто эгоистической точки зрѣнія, не говоря уже о нравственныхъ и патріотическихъ цѣляхъ, для нашего владѣльческаго сословія менѣе всего представляется выгодною та защита барскаго начала въ ущербъ крестьянамъ, какую они преслѣдуютъ пять лѣтъ сряду въ ущербъ себѣ, въ ущербъ народу, въ ущербъ собственнымъ дѣтямъ. Они готовятъ себѣ послѣднее разореніе, народу царство кулаковъ-предпринимателей, своимъ дѣтямъ лакейскую службу у этихъ кулаковъ за прилавокъ. Они готовятъ этимъ дѣтямъ даже нѣчто лучшее. Уже не малая доля ихъ и до сихъ поръ жила лизоблюдетвомъ и прокармливалась откупщиками, разжившимися ростовщиками и счастливыми аферистами всякаго рода. Когда разовьется новое царство кулаковъ-промышленниковъ, тогда презирающіе трудъ, унижающій дворянскія руки, покумлятся съ этими кулаками, поывадавъ за нихъ дочерей, поженивъ сыновей на кулацкихъ дочкахъ, или займутся у нихъ просто нахлѣбничествомъ. Дѣйствительно можно рассчитывать, что и будущее барство кулаковъ будетъ находить свой расчетъ держать свою изящную салонную сволочь, свой комплектъ

праздной прислуге, своихъ преторіанцевъ, готовыхъ за бутылку шампанскаго продать народъ и все, что угодно, и составляющихъ не малую поддержку венкаго принципа, способнаго выставить эту бутылку.

Воспитанное въ классической праздности, юношество до известной степени дѣйствительно найдетъ себѣ въ будущемъ такую роль, и не для такой ли роли защитники барства требуютъ для этого юношества классическаго образованія? Роль дѣйствительная, — но какая роль! Не достойна ли, честнѣе и лучше было бы по крайней мѣрѣ знать этому юношеству, что оно не можетъ болѣе нахлѣбничать, а что если работаетъ и служить чему нибудь, то работаетъ не кулаку-промышленнику, а дѣйствительному богатѣию націи въ лицѣ земскихъ обществъ. Юношество въ своемъ стремленіи искать трудового куска и связи между своимъ кускомъ хлѣба и образованіемъ именно и протестовало противъ нахлѣбничества. Важно было не только то конечно, чтобы это стремленіе не было убито, но желательно было бы еще и что болѣе. Важно было, чтобы въ томъ случаѣ даже, когда бы оно вооружено было помѣжичными знаніями, имѣющими цѣну на рынкѣ, — это юношество не принуждено было сознаться, что найдя помѣщеніе своимъ знаніямъ въ тѣхъ или другихъ промышленныхъ предпріятіяхъ, оно служить при этомъ и за кусокъ хлѣба богатѣию кулаковъ-предпринимателей на счетъ народа, а что служить оно богатству самаго народа, служить земской предпріимчивости сельскихъ и городскихъ обществъ, а не кулакамъ-предпринимателямъ.

И молодое поколѣніе могло бы вступить въ жизнь съ этимъ послѣднимъ сознаніемъ, если бы нынѣшнее образованное и владѣющее сословіе болѣе понимало свои настоящія выгоды и сколько нибудь думало объ интересахъ своихъ дѣтей, — если бы оно понимало, по крайней мѣрѣ, что хлопоча о барствѣ, оно хлопочетъ о своемъ послѣднемъ разореніи, о самомъ жалкомъ униженіи для своихъ потомковъ.

Вмѣсто того пять лѣтъ сряду мы наблюдаемъ въ нѣкоторыхъ партіяхъ одно близорукое стремленіе убить крестьянское развитіе, одно желаніе занять и растратить послѣдніе капиталы. Глядя на все это, я готовъ сказать, что эти люди не умѣютъ еще вовсе понимать собственныхъ интересовъ, не говоря уже объ интересахъ гражданскихъ и об-

щественнымъ, и готовы изувѣчить и сами себя и попортить народу. Нашъ патриотизмъ поэтому по меньшей мѣрѣ медвѣжьій, наша любовь къ дѣтямъ не осмыслена, а о настоящей любви къ народу не имѣется и подозрѣнія. Но этого мало, нѣтъ настоящей любви и къ самимъ себѣ, и мы еще готовы испортить всю жизнь для того, чтобы имѣть возможность поважничать сегодня. Несомнѣнно, найдутся всегда люди, которые воспользуются такимъ нашимъ настроеніемъ; этихъ-то людей я и называю кулаками-промышленниками. Несомнѣнно, найдутся и публицисты, которые поддержать ихъ въ такомъ рвеніи, потому что мы за это преподнесемъ имъ чернилицу. Но мнѣ достаточно сказать два слова для того, чтобы обратить этотъ дорогой подарокъ изъ предмета гордости въ предметъ срама.

Статьи, за которыя преподнесемъ былъ этотъ подарокъ, написаны были вовсе не чернилами; онѣ были написаны опивками отъ барскихъ объѣдовъ. Отъ этого-то въ нихъ столько виннаго бреда и пьяной ораистости, столько барской похоти къ грѣбостничеству; но нѣтъ главнаго—это серьезнаго пониманія интересовъ тѣхъ, кому онѣ служатъ. Все это было написано болѣе не для тебя, русское землевладѣніе, все это было написано для кулаковъ-промышленниковъ, жидовъ, иѣмцевъ—кого угодно, но не для тебя, словомъ для ряда аферистовъ, выжидающихъ только удобнаго часа для того, чтобы овладѣть твоими землями, и русскіе землевладѣльцы только даромъ тѣпились и платили за все это послѣднія деньги.

Послѣ этого можно спросить: не въ интересахъ ли тѣхъ же кулаковъ-промышленниковъ, былъ поднятъ въ числѣ прочихъ коопиреній барства и процессъ противъ молодого поколѣнія, которое, слѣдовательно, вѣрнѣе самихъ землевладѣльцевъ понимало настоящіе интересы нынѣшняго землевладѣнія и интересы страны, и свои собственные.

Во всякомъ случаѣ должно было очевидно, что вопросъ молодого поколѣнія представлялъ еще одну серьезную сторону, это, чтобы это поколѣніе не только нашло кусокъ хлѣба, но и же было принесено въ жертву кулакамъ-промышленникамъ. Подымая процессъ противъ него, мы напротивъ 1) не хотѣли, чтобы оно нашло трудовой кусокъ, 2) хотѣли, чтобы оно могло выбирать только между прилавкомъ или нахлѣбничествомъ у кулаковъ-аферистовъ. И мы имѣли совѣсть думать, что хлопе-

тали о дѣтяхъ, о нравственности, мы имѣли смѣлость думать, что сочувствуемъ при этомъ либеральнымъ начинаніямъ!

Въ чемъ же были несогласны съ нравственностью стремленія молодаго поколѣнія, снажу болѣе; въ чемъ онѣ были не согласны съ интересами стараго? Юношество хотѣло знаній, которыя дали бы ему роль практическихъ дѣятелей, оно хотѣло служить положительному успѣху общественной производительности хозяйства и культуры; поэтому оно искало реальныхъ знаній. Юношество хотѣло эти знанія примѣнить къ дѣйствительному успѣху и развитію поставленной на очередь народной жизни и къ богатству сельскихъ обществъ, а не къ богатству аферистовъ. Что же было тутъ безнравственнаго и такого, что бы не согласовалось, какъ теперь можно спросить, и съ интересами политическими, и съ интересами самаго дворянства, и съ заявленными правительствомъ тенденціями?

Требованія юношества несомнѣнно были нравственныя службы и нахлѣбничества у кулаковъ-промышленниковъ, котору мы хотѣли имъ дать. Но мы все еще представляемъ себѣ, что жизнь не готова для того, чтобы предложить человѣку въ нее вступающему вполне нравственное, неунижающее, неоскорбляющее положеніе. Въ такомъ случаѣ всѣ наши заботы о нравственности выходятъ пустымъ лицемѣріемъ. Двухъ вещей требуетъ человѣкъ вступающій въ жизнь для того, чтобы мы могли судить его послѣ за его безнравственность: 1) труда, дающаго прочное обезпеченіе; 2) такого труда, который не противорѣчилъ бы общимъ интересамъ, словомъ труда на общество, а не на исключительныя лица. Пока мы этого не устроимъ, мы не выполнимъ дѣтскаго вопроса.

О выполненіи этихъ требованій мы скажемъ послѣ. Скажемъ также въ своемъ мѣстѣ и о слабыхъ сторонахъ молодаго поколѣнія, объ его недостаткахъ и увлеченіяхъ. Теперь же остановимся еще на одной сторонѣ вопроса, упустить изъ виду которой мы не имѣемъ права.

Все, что нами было говорено до сихъ поръ, насалось той роли, которую игралъ въ дѣтскомъ вопросѣ читатель.

Читатель былъ очевидно сбитъ съ толку, введенъ въ заблужденіе и поставленъ въ странное до крайности отношеніе къ собственнымъ дѣтямъ.

Но не въ одномъ заблужденіи частнаго читателя была сила, испортившая этотъ вопросъ, и мы были бы несправедливы, если-

бы принесли всю вину въ этомъ случаѣ увлеченію ложной точкой зрѣнія одного частнаго читателя. Мы чувствуемъ, что наше изложеніе было бы далеко не полно, еслибы мы не объяснили вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти и тѣхъ средствъ, которыя были употреблены до сихъ поръ для дѣйствія на воображеніе простаго читателя.

Если чье имя будетъ неразрывно связано съ судьбой нашего молодого поколѣнія, то это—имя московскаго публициста Каткова: онъ игралъ такую видную роль во всемъ этомъ дѣтскомъ процессѣ, и игралъ ее такъ усердно, онъ столько хлопоталъ о томъ, чтобы образованіе было лишено реальныхъ основъ, столько хлопоталъ о батрачествѣ, какъ крестьянъ, такъ и юношества, что тѣ и другіе будутъ ему вѣкъ благодарны. Въ этихъ видахъ мы и считаемъ нужнымъ, на какомъ либо поучительномъ, живомъ примѣрѣ, узнать тѣ средства, на которыхъ основывался особенный успѣхъ его вліянія, по затемненію сущности дѣтскаго вопроса.

Эти-то средства, которыя онъ считалъ нужными, пуская уважать онъ намъ самъ. Примѣръ, который намъ попадаетъ подъ руку, не касается прямо дѣтскаго вопроса, рѣчь въ немъ идетъ объ украиншицахъ, но тѣмъ не менѣе онъ объясняетъ дѣло. Въ настоящую минуту, къ концу трехгодоваго бреда нартіями, сталъ очевидно истощаться положительный матеріалъ, эксплуатируя который, шаловливая рука дергала до сихъ поръ нитями интриги.

Украиншицество оказалось мечтой.

Прежніе сотрудники «Основы» видимо испарились, испарились до того, что даже московскіе публицисты не находили никакого повода толковать о нихъ. Петербургскій нигилизмъ,—о которомъ московскіе публицисты съумѣли выдумать за послѣднее время только одно, что онъ состоялъ въ связи съ продавцами оссюрныхъ спичекъ,—не представилъ ничего такого, что бы оправдывало эту послѣднюю глупость, выдуманную въ конецъ изолгавшейся Майей.

Чтоже касается «Ригаши-Цейтунгъ» и тому подобныхъ представителей остзейскаго краснорѣчія, то эти уже какъ-то вовсе не поддавались на то, чтобы изъ нихъ можно было слѣдить какого либо политическаго болвана, похожаго на украиншицество, нигилизмъ, матеріализмъ.

И вотъ московская Аспазія начинаетъ снова дергать за

старыя нитки и копаться въ словахъ прежнихъ украинофиловъ, не завлечется ли еще чѣмъ либо здѣсь дикое воображеніе провинціаловъ, нельзя ли будетъ еще удержать ихъ на той же точкѣ зрѣнія политическаго препирательства. Прежніе украинофилы на примѣръ пишутъ, что между малоруссами никогда не существовало не только никакого существеннаго племеннаго, но и филологическаго различія, а тѣмъ менѣе серьезнаго политическаго разъединенія и ненависти. Они указываютъ, что Малороссія не была покорена, а присоединилась добровольно къ Россіи, и прибавляютъ: «если и существовала такая нибудь вражда между великороссіянами и малороссіянами, то она была болѣе похожа на вражду двухъ сосѣднихъ сель изъ-за особенностей говора, костюма и проч., вражду, выражающуюся насмѣшками одной стороны надъ другою: москаль смѣялся надъ чубомъ и красными чоботами хохла, хохоль въ свою очередь не пропускалъ безъ замѣчаній лаптей и бороды москаля.»

Каковъ настоящій смыслъ подобныхъ выраженій, каковы ихъ тенденціи, этого читатель никакъ самъ собою не пойметъ. Ему объяснять этотъ смыслъ только заплечные публицисты, и для изогавшихся публицистовъ все это послужитъ «доказательствомъ того, что петербургскіе украинофилы не отказались отъ своихъ затѣй, и полагаютъ, что теперь наступила благоприятная минута начать прежнее дѣло, только съ другаго конца. Съ какого конца, объ этомъ, быть можетъ, придется поговорить въ послѣдствіи....»

Все это конечно было похоже на родство иверскихъ въщателей, морочащихъ иверскую публику, но вотъ съ помощью такого-то родства читатель морочился видѣніями политическихъ партій за все послѣднее время, съ помощью такихъ соображеній выросталъ болванъ украинофильства, болванъ ингилизма. Съ помощью такихъ соображеній «Основа» превращалась въ органъ малороссійскаго жонда и въ одномъ нарзанѣ каждой стриженной барышни московскіе редакторы усматривали пучекъ прокламацій, въ другомъ разрывную гранату. А между тѣмъ за всѣмъ этимъ туманомъ инкриминацій все-таки какъ-то плохо прячется и торчитъ изъ-за пазухи пучокъ вѣрнопостыныхъ розогъ, и выдаетъ головой всю интригу со всѣми ея нитками. Дѣло въ томъ, что въ вопросѣ политической агитаціи Ассамблея все-таки сама не полагается на одну силу своего краснорѣчія,

на свои натуральныя чары, ей нужно подластиться къ чему либо болѣе сильному, ей нужна на прокатъ чужая рука, съ помощью которой она могла бы дѣйствовать. Она не занималась и не занимается тенденціями умершей «Основы», сами понятія неважны и неопасны, она не занимается нигилизмомъ какъ нигилизмомъ, самъ по себѣ онъ также неопасенъ.

«Не фантазія нѣсколькихъ литераторовъ могла казаться опасною, — такъ пишутъ «Московскія Вѣдомости». — Но мы видѣли источникъ и направленіе агитаціи, быть можетъ не сознаваемые даже главными участниками въ ней, и мы должны были всѣми нашими силами противоdѣйствовать этой агитаціи, точно также какъ должны были прежде противоdѣйствовать нигилизму, который невѣдомо для самихъ героевъ своихъ творился закулиснымъ дѣятелемъ въ литературѣ, въ учащейся молодежи, въ разныхъ слояхъ общества, — противоdѣйствовать агитаціи по вопросу польскому, по вопросу о реформѣ учебныхъ заведеній, о поджогахъ и т. п., которыхъ усерднымъ органомъ по преимуществу былъ «Голосъ», получавшій казенныя субсидіи».

Аспазія, видите ли, усматривала «серьезную опасность въ поддержкѣ, которую эти мнѣнія и дѣйствія находили въ административныхъ сферахъ». — Вотъ къ чему она ластилась. Административныя сферы, видите ли, сами себя не видѣли, ихъ видѣла Аспазія, она приняла на себя ихъ служеніе и заслонила ихъ своей грудью, и если она возставала противъ субсидій, получаемыхъ «Голосомъ», то это потому только, что честь и дѣло администраціи ронялись газетой, которая въ одно и тоже время была оффиціозной и потворствовала нигилизму. Если она воевала противъ реальнаго образованія, то это потому только, что вводя его въ школы, администрація потворствовала развитію въ нихъ нигилизма, которому они безъ того служили разсадникомъ. Если она совѣтовала той же администраціи посадить работниковъ вмѣсто надѣловъ на сытые хозяйскіе харчи и выгнать ихъ изъ земскихъ собраній, то и тутъ она имѣла въ виду только честь и пользу администраціи.

Тутъ-то вотъ выступалъ съ полной наглядностью конецъ, плохо прячущійся за интересы администраціи, крѣпостной палки, заключавшей въ себѣ всеобаятельное волшебство—секретъ всего обаятельнаго вліянія на провинціальное воображеніе и весь секретъ успѣха московской прессы и въ борьбѣ съ

украинофилами, и съ нигилизмомъ, и весь секретъ ея популярности.

Въ томъ-то и дѣло, что рядомъ съ откровеннымъ заявленіемъ своихъ крѣпостническихъ тенденцій, московская Майя заявила въ то же время столь же категорически претензію на руководство административныхъ сферъ своими попечительными совѣтами и на очарованіе администраціи своей навязчивой услужливостью, и доходила до такого безцеремоннаго контроля съ своей точки зрѣнія и навязыванія своимъ мнѣніемъ нѣкоторымъ частямъ официальной іерархіи, что при невозможности для прочихъ частныхъ органовъ контролировать печатно въ той же степени дѣйствія официальныхъ лицъ, монополія въ этомъ отношеніи одного органа, который въ то же время величалъ себя частнымъ, представлялась весьма серьезной шалостью.

Мы вотъ также не обращали бы никакого вниманія на всѣ эти шалости московской литературной Аспазіи, на всю эту фантасмагорію партій, на все это политическое резонерство, похожее само по себѣ на фарсъ; мы не обратили бы никакого вниманія на все это противопоставленіе украинофиловъ руссофиламъ, нигилистовъ благонамѣреннымъ, на все это травленіе дѣтей противъ отцовъ и обратно. Дѣло не въ выходкахъ и инкриминаціяхъ нѣсколькихъ литературщиковъ.

Дѣло просто въ томъ, что вамъ нажеться въ свою очередь, что пропаганда подобная той, какую вели московскіе публицисты, гораздо рѣшительнѣе всякаго украинофильства и нигилизма можетъ дѣйствовать не на одни частныя сферы; и мы находимъ несообразнымъ и вреднымъ, чтобы газета частная, какою называли себя «Московскія Вѣдомости», въ одно и то же время пропагандировала извращеніе въ крѣпостную сторону и положеній 19 февраля, и положеній о земскихъ учрежденіяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ прикидывалась заступницей администраціи, отказывающейся отъ крѣпостныхъ началъ.

Повторяемъ, мы видѣли мало связи между администраціей, отказавшейся отъ крѣпостныхъ началъ, и бюстительствомъ интересовъ той же администраціи со стороны газеты, всѣ тенденціи которой чисто крѣпостническія.

Если «Голось», получая субсидіи, дискредитировалъ администрацію, по мнѣнію «Московскихъ Вѣдомостей», потворствуя, необъясненнымъ «Московскими Вѣдомостями» образомъ, нигилистическому резонерству, то «Московскія Вѣдомости», будучи

газетой вполне крѣпостнической, еще болѣе дискредитировали ту же администрацію, принимая на себя роль ея заступницы и въ то же время стараясь направить административные взгляды на точку арміи политическаго террора, которая была самой удобной для того, чтобы вызвать реакцію въ административныхъ дѣйствіяхъ и въ крестьянскомъ дѣлѣ, и въ остальныхъ, и вслѣдствіе которой и былъ поставленъ на сцену процесъ противъ молодаго поволенія.

Мы же принимаемъ на себя роли ни онекуновъ, ни поучителей администраціи, которой намъ никто не давалъ; послѣдняя должна лучше насъ знать, что подходить къ ея цѣлямъ. Мы не принимаемъ на себя навязывать нашихъ взглядовъ исполнителямъ административныхъ распоряженій. Для этого у администраціи есть свои органы. Но мы прямо находимъ ненормальнымъ и соблазнительнымъ, чтобы такая роль была предоставляема въ монополію какому либо частному органу, ибо въ такомъ случаѣ влияние этого органа становится слишкомъ рѣшительно и оффиціально. Въ этихъ-то видахъ мы также имѣемъ право обращать вниманіе на пропаганду воззрѣній, которыя могутъ оставаться безъ особыхъ послѣдствій, пока они вращаются въ сферѣ частныхъ лицъ, но становятся гораздо серьезнѣе, когда распространяются на лицъ, имѣющихъ прямое оффиціальное влияние на дѣло, какъ бы ни была мелка сфера ихъ оффиціального влияния. И чѣмъ мельче эта сфера, тѣмъ страшнѣе кажется и самое влияние потому уже, что здѣсь это влияние всего доступнѣе и легче для всякаго извращенія истины, легче съ двухъ сторонъ: во первыхъ, мелкое чиновничество находится въ большей зависимости въ своей дѣятельности отъ окружающей ихъ среды, во вторыхъ, его дѣйствія неуловимы для контроля.

И если крайности казались серьезнымъ «Московскимъ Вѣдомостямъ» потому только, что въ народныхъ школахъ распространялось обученіе малорусскому языку, то какому должно казаться намъ проникновеніе въ упомянутыя сферы всей этой выдумки партій, для ловленія въ мутной обстановкѣ остатковъ крѣпостнаго произвола и дѣтскаго хлѣба?

Прежде всего, въ какое положеніе ставится мелкая администрація, обязанная вводить реформы, рассчитанныя на уничтоженіе крѣпостничества, оффиціозной ролью, которую принимаетъ на себя газета вполне крѣпостническая? Способствуетъ

ли это къ поддержкѣ реформы и ея цѣлей? Соответствуетъ ли достоинству правительства, отвѣчающаго за эти реформы, открытое браверство буквы закона, которому поучаетъ крѣпостническій органъ съ одной стороны, съ другой прикрываясь его симпатіями и напрашиваясь къ нему съ своими услугами? Администрація, уничтожающая крѣпостничество, не можетъ имѣть ни одного пункта соприкосновенія съ органомъ въ корнѣ крѣпостническимъ. Разобненіе тутъ слишкомъ очевидно глубоко для того, чтобы могъ быть допущенъ какой либо компромиссъ, подъ условіемъ котораго она могла бы принять какія либо услуги, какую либо помощь, не заплативъ за нее втридорога, не уступивъ противнымъ ей тенденціямъ въ существѣ дѣла, не становясь въ противорѣчіе сама съ собою, не поставивъ въ недоразумѣніе и своихъ болѣе мелкихъ исполнителей, и все общество?

Но это не самое главное: полуофициозное положеніе, въ которое самозванно ставитъ себя органъ, очевидно чуждый всему, что ждало общество лучшаго отъ администраціи, могло имѣть извѣстное угнетающее вліяніе на дѣятельность извѣстныхъ слоевъ администраціи, но и только. Несравненно хуже и серьезнѣе тѣ мотивы, во имя которыхъ совершалось это вліяніе, которые подсказывала московская газета для оправданія своего вліянія не на одни частныя мнѣнія, и которые она форсированно ставила на видъ и хотѣла ввести въ программу официальнаго руководства.

Это мотивы той борьбы партій, которую московскія газеты старались возвести на степень дѣйствительнаго факта; это усиліе навязать самимъ административнымъ слоямъ московское возрѣніе на крайнофильство и нигилизмъ, какъ на явленія политическія, на которыя слѣдуетъ смотрѣть и противъ которыхъ слѣдуетъ дѣйствовать политическими способами.

Спасеніе крѣпостничества въ его корнѣ, въ возрѣніяхъ молодого поколѣнія, въ самыхъ школахъ конечно казалось московской газетѣ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ болѣе сама администрація школъ будетъ проникнута возрѣніемъ на приходскихъ учениковъ, какъ на политическую партію. Горобецъ долженъ былъ составить политическую грозу не только крѣпостничества вообще, но и всего соціального порядка; грозу для самой училищной администраціи, которая, если не находила въ своихъ школахъ достаточнаго количества Горобцовъ для того, чтобы при-

нать ихъ за политическую партію, то была предупреждаема въ этихъ находкахъ заплочными публицистами и предаваема публично инкриминаціи. Терроризація общества присутствіемъ партій, терроризація чиновниковъ и исполнителей публичными доносами въ потворствѣ нигилизму, одѣтому для вѣщаго эффекта въ конфедератку польскаго восстанія, съ краснымъ пѣтухомъ въ рукахъ, — и все это для спасенія розогъ въ селахъ, розогъ въ школахъ, розогъ въ семьяхъ и развитія раздраженія между лицами, болѣе всего близкими другъ другу!

Обыски въ учебникахъ, навязываніе классицизма училищной администраціи, подъ страхомъ инкриминаціи въ сочувствіи польскому восстанію, и отождествленіе реальныхъ знаній съ бунтомъ, — словомъ, насильственное врывательство въ административную сферу тѣмъ или другимъ способомъ! Спрашивается: принадлежитъ ли все это къ числу такихъ явленій, которыя бы не были очевидно возмутительны? Всякій долженъ сознавать, что одна возможность противодѣйствія отбѣняетъ уже совершенно иначе и отношенія администраціи къ такому органу, какъ «Московскія Вѣдомости», въ глазахъ публики, и вмѣстѣ съ тѣмъ избавляетъ низшихъ исполнителей отъ двойственной зависимости и двойственнаго соображенія своихъ дѣйствій съ одной стороны съ тѣмъ, что скажетъ непосредственная власть, съ другой — съ тѣмъ, что скажутъ «Московскія Вѣдомости».

И вотъ, становясь на точку зрѣнія такого-то права, необходимаго литературѣ, мы съ сердечнымъ сокрушеніемъ должны сказать, что вся трехъ-годичная дѣятельность московскихъ шулуновъ состояла лишь въ томъ, чтобы останавливать на полдорогѣ — не только общественное, но по возможности и административное сознаніе, отъ пониманія насущныхъ текущихъ явленій, и въ тщательномъ отыскиваніи предлоговъ для терроризаціи одной части общества другою, и для терроризаціи исполнителей. Да и какъ не глядѣть въ два глаза этимъ исполнителямъ, если эта терроризація не ограничивается одними мелкими исполнителями. Если та же Майя травитъ своими доносами и поклепами чиновничью мелочь за урядъ съ нигилистами и сепаратистами всякаго рода, то забираясь въ барскій покой, тономъ стараго лакея, конечно — которому прощается грубость, потому что она прикрывается въ настоящемъ случаѣ избыткомъ мнимой преданности и мнимыхъ старыхъ за-

служь,—но все-таки привилегированнымъ токомъ она дерзаетъ тревожить вмѣстѣ съ тѣмъ самыя центральныя распоряженія.

Нужно сказать, что эти забѣганія въ высшія сферы оффиціального лагера имѣли до сихъ поръ нѣчто особенно пряное и раздражающее для своего круга читателей. Они производили и производятъ, если сказать правду, нисколько не меньшій азартъ въ известномъ кругу, чѣмъ азартъ, производившійся запрещенными листками между Горобцами-нигилистами. Да, читатель, и особенно московскій читатель, я къ тебѣ обращаюсь специально, не думай теперь, что Горобцы случались только въ молодомъ поколѣннн, принявшемъ свое крещеніе отъ Базарова.

То-то и особенно грустно, что такихъ же Горобцовъ оказалось гораздо болѣе въ старомъ; они-то, посѣдѣвшіе Горобцы, носились и носятся съ этими московскими протестаціями противъ оффиціальныхъ циркуляровъ точно съ подметными листками. Пряча въ карманъ катковскія грубости петербургскимъ управленіямъ, какъ запрещенный плодъ, они засасывались въ эти строчки, начертанныя рукой, «мокающей перо въ разумъ», и ихъ лысыя головы восхищались въ это время лысой мыслью о томъ, что они составляютъ силу и партію, которая можетъ постоять за себя передъ кѣмъ угодно, и вести рѣчь съ кѣмъ угодно на равныхъ и даже высшихъ правахъ. О патриотизмѣ ли они думаютъ въ эти минуты, это другой вопросъ; но во всякомъ случаѣ все это пріятно щекочетъ барское самолюбіе, оно даетъ пищу тому, что называется своего рода разговоромъ съ перспективами, и жалко то только, что въ концѣ всѣхъ перспективъ ничего нѣтъ въ виду, кромѣ крѣпостничества, со- оружающагося въ партію несравненно болѣе категорическую и положительную, какъ показали обстоятельства, чѣмъ всѣ нигилизмы, сепаратизмы и прочее взятое вмѣстѣ. Партія эта до того внушительна, что мы не видѣли до сей поры протеста противъ солидарности съ нею со стороны какой либо части нашего землевладѣнія, хотя протестовать противъ такой солидарности было обязательно для большинства землевладѣльцевъ, ибо общественное мнѣніе замыкало въ эту партію всѣхъ, чей интересъ вязался только съ интересомъ русскаго землевладѣльца; а мы не хотимъ допустить мысли, чтобы наше землевладѣніе было, вообще говоря, въ массѣ, катковского толка. Повторяемъ, мы не хотимъ относить нашихъ словъ къ массѣ нашего землевладѣнія, а только къ тѣмъ посѣдѣвшимъ Гороб-

цать, которые носились послѣдніе три года сряду съ катковскими прокламаціями и перспективами своей барской партіи точно также, какъ акцизные чиновники и провинціальные офицеры и барышни съ «Русскимъ Словомъ».

За нѣсколько лѣтъ рьяной дѣятельности, г. Катковъ до того вошелъ въ роль администратора въ администраціи, что ему кажется наконецъ не нормальнымъ, если его бредни, за которыми въ сущности ничего не кроется, кромѣ ересьничества, встрѣчаютъ какое либо сомнѣніе въ официальномъ мірѣ. Майя оскорбляется, когда ея навязчивая услужливость надоедаетъ донельзя и ей циркулярно отвѣчаютъ «будетъ». — Въ этихъ-то случаяхъ она спѣшитъ побудировать это «будетъ» и поломать ся надъ официальнымъ распоряженіемъ, и это даетъ ей возможность придать новую возбуждающую на иной вкусъ свѣжесть давно пережеванному вздору, которымъ она душитъ своихъ читателей.

Такимъ-то вотъ образомъ мы сидимъ съ ней до сихъ поръ на рижскомъ сепаратизмѣ, и съ нимъ должны имѣть дѣло еще и въ настоящую минуту для того, чтобы привести хотя одинъ образчикъ ея литературнаго цивилизма въ борьбѣ болѣе крупной, чѣмъ съ уѣздными учителями и пр.

Циркуляромъ, по дѣламъ печати, 14 декабря, литературѣ, надѣвшею въ конецъ рижскимъ сепаратизмомъ, было сказано: «будетъ».

1-го марта этотъ сепаратизмъ появился снова на сцену и вотъ въ какомъ приблизительно видѣ.

«Мы имѣемъ на этотъ разъ дѣло, пишутъ «Московскія Вѣдомости», съ любопытнымъ документомъ, обнародованнымъ въ № 40 «Сѣверной Почты»: это — представленіе цензора «Рижской Газеты» г. начальнику главнаго управленія по дѣламъ печати, и краткое изложеніе отвѣта, вызваннаго этимъ представленіемъ.

«Эта официальная переписка, которую сочла полезнымъ обнародовать «Сѣверная Почта», есть прежде всего тяжкій обвинительный актъ, направленный противъ всей русской печати безразлично, противъ всѣхъ ея органовъ, которые высказывались по вопросамъ прибалтійскаго края или которые только печатали историческіе документы о дѣлахъ этого края, слѣдовательно и противъ «Московскихъ Вѣдомостей», коимъ принадлежала не малая доля въ обсужденіи вопросовъ этого рода.

Свойства этого обвинительного акта очень затрудняют дѣло защиты. Обыкновенные обвинительные акты, прежде всего, въ точности обозначаютъ лица, противъ которыхъ направлено обвиненіе, и если въ дѣлѣ участвовало много лицъ, то стараются опредѣлить мѣру участія каждаго изъ нихъ».

Ну, а вы, г. Катковъ, обозначили въ своихъ обвинительныхъ актахъ въ точности тѣхъ лицъ, которыхъ обвинили въ поджогѣ петербургской толкучки? Опредѣлили ли вы мѣру участія каждаго изъ нихъ, или вообще говорили о петербургскихъ нигилистахъ? Вы не говорили вообще о нѣкоторыхъ петербургскихъ изданіяхъ, преслѣдующихъ разрушительныя цѣли, и прочее?

«Далѣе, обыкновенные обвинительные акты основываютъ каждый пунктъ обвиненія на томъ или другомъ фактѣ, на томъ или другомъ показаніи, ссылаясь прямо на нихъ; напротивъ, въ обвиненіяхъ, обнародованныхъ «Сѣверною Почтой», нѣтъ и помина ни о какихъ подобныхъ указаніяхъ и ссылкахъ, а говорится просто, голословно и бездоказательно, что русская печать, или иногда, что нѣкоторыя столичныя газеты основывали свои нападки на живыхъ корреспонденціяхъ, увлекались въ этихъ нападкахъ однимъ расчетомъ на эффектъ, доходили въ нихъ до рѣзкости и запальчивости».

Такъ, г. Катковъ, вы опять таки никогда не предавались голословнымъ обвиненіямъ? Вы всегда опирали ваши обвиненія на положительные факты? Я рѣшительно не понимаю вмѣстѣ съ вами, о какихъ это изданіяхъ говорить «Сѣверная Почта», что они основывали свои нападки на живыхъ корреспонденціяхъ, увлекаясь при этомъ расчетомъ на эффектъ?...

«Но мы пойдемъ дальше, продолжаютъ «Московскія Вѣдомости», и гдѣ только можно понять смыслъ обвиненія, будемъ приводить и доказательства въ подтвержденіе нашихъ опроверженій. Такимъ образомъ, говоря отъ имени «Московскихъ Вѣдомостей», мы объявляемъ прямо и положительно, что въ обвиненіяхъ г. рижскаго цензора нѣтъ ни слова правды, по отношенію, по крайней мѣрѣ, къ нашей газетѣ».

Ни единого, конечно, поэтому-то мы и оставимъ въ сторонѣ все ваше резонерство, собственно относящееся къ рижскому сепаратизму, до котораго намъ нѣтъ никакого дѣла; а ограничимся лишь слѣдующей еще выпиской, которой увѣнчивает-

ся вся воркотня противъ министерства, мѣшающаго распространяться о рижскомъ сепаратизмѣ.

«Главное управленіе по дѣламъ печати, какъ мы узнаемъ изъ той же статьи «Сѣверной Почты», не сочло за нужное ни откликнуться своего циркуляра отъ 14-го декабря, ни ходатайствовать о поставленіи Риги, Ревеля и Дерпта, въ отношеніи къ дѣламъ печати, на равную ногу съ двумя столицами Россіи; но въ своемъ отвѣтѣ оно сочло за должное укорить русскую литературу въ недостатокъ безпристрастнаго взгляда на дѣло, и указать, какъ на признакъ этого недостатка, на «изложеніе «свѣдѣній за прежнее время, при молчаніи о томъ, на сколько «эти свѣдѣнія не соответствуютъ нынѣшнему положенію тѣхъ «мѣстностей и тѣхъ вопросовъ, до которыхъ они относятся». Если главное управленіе поставляетъ въ вину русской литературѣ печатаніе документовъ и свѣдѣній за прежнее время безъ указаній на то, что они уже не соответствуютъ нынѣшнему положенію дѣлъ, то мы позволимъ себѣ только спросить, какимъ образомъ «Сѣверная Почта», газета министерства внутреннихъ дѣлъ, рѣшилась напечатать оффиціальнѣйшій документъ текущаго времени, отзывы котораго о русской литературѣ такъ положительно не соответствуютъ дѣйствительному положенію ея въ вопросахъ прибалтійскаго края, а между тѣмъ появляясь въ оффиціальной газетѣ, отъ имени оффиціального лица, и безъ сомнѣнія, по желанію правительственнаго вѣдомства, къ которому этотъ документъ былъ адресованъ, тѣмъ самымъ приобретаютъ какъ бы характеръ господствующихъ въ русскомъ правительствѣ воззрѣній? Зачѣмъ понадобилось обнародованіе этого страннаго, исполненнаго внутреннѣйшій противорѣчій, документа? Неужели для того, чтобъ осыпать укорами всю русскую періодическую печать безразлично и тѣмъ приободрить партію анти-русскихъ патріотовъ въ прибалтійскомъ краѣ, или же для того, чтобы путемъ оффиціальнаго документа засвидѣтельствовать, что остзейскій край можетъ стать на путь сепаратизма изъ-за того только, что онъ не приравненъ по отношенію къ дѣламъ печати къ двумъ столицамъ и не пользуется никакими въ этомъ отношеніи привилегіями сравнительно со всѣми прочими областями Россіи?»

Видите ли, дѣло приходитъ къ тому, что уже не «Ригаше-Цейтунгъ», не рижскій цензоръ, не шайка нигилистовъ, а

«Съверная Почта», министерство внутреннихъ дѣлъ инкриминируются въ кумовствѣ съ сепаратизмомъ!

Все это по меньшей мѣрѣ очень смѣло, но откуда это столько у васъ храбрости, г. Катковъ? Вотъ что вы намъ объясните. Разсудите передъ нами, долженъ ли феодализмъ или крѣпостничество пользоваться какими либо привилегіями относительно литературной храбрости, когда его гражданскія привилегіи считаются уничтоженными? Скажите на милость, не отражается ли вредно и соблазнительно такая исключительная храбрость на общемъ строе дѣлъ; употребляя ваши выраженія, не скомпрометируетъ ли она отчасти власть, которая представляется какъ бы покровительствующей одной рукой тому, отъ чего отказывается другой?... Вы жалуетесь на голословныя обвиненія, но сами вы не изогтались ли въ конецъ и не обратились ли въ *пословшу*?...

Но на все это мы не обращали бы, повторяемъ, звать тави никакого вниманія, если бы и эта исключительная храбрость въ рѣчахъ и разговорахъ съ официальными циркулярами не придавала лишняго успѣха и лишняго авторитета лжи, распускаемой ради тенденцій, въ которыхъ нѣтъ, какъ я показавъ выше, не только пользы, но просто смысла, которыя не нужны ни Россіи, ни крестьянамъ, ни дворянству, ни отцамъ, ни дѣтямъ, а только кулакамъ-промышленникамъ.

Но вотъ съ помощью такой-то терроризаціи однихъ и увлеченія другихъ пріяными перспективами, намекающими поспѣлымъ Горобцамъ на возможность образовать изъ себя дѣятельную партію, извѣстная доля читателей становилась въ ложное отношеніе и къ крестьянскому, и къ дѣтскому вопросу, и занималась волей или неволей созданіемъ своего рода партіи, совершенно параллельной Горобцамъ-нигилистамъ,—партіи, которая думала, какъ мы видѣли, утвердить начало барства, но въ сущности готовила и себѣ, и дѣтямъ, и народу одно батрачество.

Она вступила въ свою роль доносомъ на молодое поколѣніе въ петербургскихъ пожарахъ, и это было столь удачно, что она продолжала этотъ способъ дѣйствія, рассчитывая, что пока будетъ возможно играть на всякаго рода страхахъ, ее не перестанутъ поддерживать, какъ противоядіе. Для нея клевета на молодое поколѣніе обратилась поэтому въ индустрію, и на это пора, я думаю, обратить кой-какое вниманіе.

Мы не хотимъ и совершенно вправѣ не хотѣть, чтобы партія, совершенно нелѣпая и вредная по своимъ основаніямъ, развивалась среди насъ на счетъ народа, дѣтей и интересовъ самихъ землевладѣльцевъ. Мы не хотимъ базаровскаго нигилизма, но не хотимъ и барскаго нигилизма, который можетъ съ нимъ во всемъ спорить и всѣ принципы котораго начинаются и кончаются тунеядствомъ. Тѣмъ менѣе хотимъ конечно, чтобы судьба молодого поколѣнія просто на просто эксплуатировалась и послѣднее открывалось всевозможнымъ преслѣдованіямъ для того только, чтобы служить подножкой застарѣлому тунеядству, съ помощію которой оно могло бы забавляться подъ этотъ шумъ своей пропагандой.

Съ этой-то стороны мы прежде всего считали бы важнымъ для благополучія нашего юношества серьезное вниманіе къ нашей точкѣ зрѣнія на вопросъ. Пусть поймутъ, что желая этого вниманія, мы ничего не имѣемъ въ виду, кромѣ устраненія вреднѣйшаго изъ предубѣжденій, мѣшающаго совершить все благое, что можно было бы сдѣлать и для страны, и для молодого поколѣнія—кромѣ искренняго стремленія вернуть отцовъ къ дѣтямъ. Пусть поймутъ, что все, что было прискорбнаго въ этомъ увлеченіи несчастнаго читателя московской точкой зрѣнія, не уничтожило самихъ вопросовъ, а только отдалило ихъ рѣшеніе. Самые же вопросы становятся насущнѣе, чѣмъ когда либо.

Ю. З.